

Стихотворения. Гаврила Романович Державин derzhavingabriel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://derzhavingabriel.ru/> приятного чтения!

Стихотворения. Гаврила Романович Державин

Кружка
Краса пирующих друзей,
Забав и радостей подружка,
Предстань пред нас, предстань скорей,
Большая серебряная кружка!
Давно уж нам в тебя пора
Пивца налить
И пить.
Ура! ура! ура!
Ты дочь великого ковша,
Которым предки наши пили;
Веселье их была душа,
В пирах они счастливо жили.
И нам, как им, давно пора
Счастливым быть
И пить.
Ура! ура! ура!
Бывало, старики в вине
Свое всё потопляли горе,
Дрались храбро на войне:
Вить пьяным по колени море!
Забыть и нам всю грусть пора,
Отважным быть
И пить.
Ура! ура! ура!
Бывало, дольше длился век,
Когда диет не наблюдали;
Был здоров и счастлив человек,
Как только пили да гуляли.
Давно гулять и нам пора,
Здоровым быть
И пить.
Ура! ура! ура!
Бывало, пляска, резвость, смех,
В хмелю друг друга обнимают;
Теперь наместо сих утех
Жеманством, лаской угощают.
Жеманство нам прогнать пора,
Но просто жить
И пить.
Ура! ура! ура!
В садах, бывало, средь прохлад
И жены с нами куликают[1],
А ныне клоб[2] да маскарад
И жен уж с нами разлучают.
Французить нам престать пора,
Но Русь любить
И пить.
Ура! ура! ура!
Бывало – друга своего
Теперь карманы посещают;
Где вист, да банк, да макао,[3]
На деньги дружбу там меняют.
На карты нам плевать пора,
А скромно жить
И пить.
Ура! ура! ура!
О сладкий дружества союз,
С гренками пивом пенна кружка!
Где ты наш услаждаешь вкус,
Мила там, весела пирушка.
Пребудь ты к нам всегда добра:
Мы станем жить

И пить.
Ура! ура! ура!
1777

На смерть князя Мещерского[4]
Глагол времён[5]! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет – и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.
Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает;
Монарх и узник – снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глодает царства алчна смерть.
Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всем мирам она грозит.
Не мнит лишь смертный умирать
И быть себя он вечным чаёт;
Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапно похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышням.
Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерской! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? – Он там. – Где там? – Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
«О, горе нам, рожденным в свет!»
Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,[6]
И бледна смерть на всех глядит.
Глядит на всех – и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.
Смерть, трепет естества и страх!
Мы – гордость с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Ха́са в бездну улетели,

И весь, как сон, прошел твой век.
Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.
Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, преидет в чреду свою.
Подите счастья прочь возможны,
Вы все переменны здесь и ложны:
Я в двéрях вечности стою.
Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам, конечно, –
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.
1779

На рождение в Севере
порфирородного отрока [7]
С белыми Борей власами
и с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой;
Сыпал инеи пушисты
и метели воздымал,
Налагая цепи льдисты,
Быстры воды оковал.
Вся природа содрогала
От лихого старика;
Землю в камень претворяла
Хладная его рука;
Убегали звери в норы,
Рыбы крылись в глубинах,
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах;
Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать сатиры руки
Собирались вокруг огней.
В это время, столь холодно,
Как Борей был разъярен,
Отроча порфирородно
в царстве Северном рожден.
Родился – и в ту минуту
Перестал реветь Борей;
Ондохнул – и зиму люту
Удалил Зефир с полей;
Он возрел – и солнце красно
Обратилось к весне; [8]
Он вскричал – и лир согласно
Звук разнесся в сей стране;
Он простер лишь детски руки –
Уж порфиру в руки брал;
Раздались громовы звуки,
и весь Север воссиял.
Я увидел в восхищеньи
Растворен судеб чертог;
Я подумал в изумленьи:

«Знать, родился некий бог».
Гении к нему слетели
В светлом облаке с небес;
Каждый гений к колыбели
Дар рожденному принес:
Тот принес ему гром в руки
Для предбудущих побед;
Тот художества, науки,
Украшающие свет;
Тот обилие, богатство,
Тот сияние порфир;
Тот утехи и приятство,
Тот спокойствие и мир;
Тот принес ему телесну,
Тот душевну красоту;
Прозорливость тот небесну,
Разум, духа высоту.
Словом, все ему блаженствы
И таланты подаря,
Все влияли совершенствы,
Составляючи царя;
Но последний, добродетель
Зарождаючи в нем, рек:
«Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне человек!»
Все крылами восплескали,
Каждый гений восклицал:
«Се божественный, – вещали, –
Дар младенцу он избрал!
Дар, всему полезный миру!
Дар, добротам всем венец!
Кто приемлет с ним порфиру,
Будет подданным отец!»
«Будет, – и Судьбы гласили, –
Он монархам образец!»
Лес и горы повторили:
«Утешением сердец!»
Сим Россия восхищенна
Токи слезны пролила,
На колени преклоненна,
В руки отрока взяла;
Восприяв его, лобзает
В перси, очи и уста;
В нем геройство возрастает,
Возрастает красота.
Все его уж любят страстно,
Всех сердца уж он возжег:
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, наш полубог!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителям во всем;
С их ты матерью[9] равняясь,
Соравняйся с божеством.
1779

К первому соседу[10]
Кого роскошными пирами
На влажных невских островах,
Между тенистыми древами,
На мураве и на цветах,
В шатрах персидских златошвенных,
Из глин китайских[11] драгоценных,
Из венских чистых хрусталей,
Кого толь славно угощаешь,
И для кого ты расточаешь
Сокровищи казны твоей?
Гремит музыка, слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;

Сластей и ананасов горы
И множество других плодов
Прельщают чувства и питают;
Младые девы угощают,
Подносят вина чередой,
И алиатико[12] с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельцерской водой.
В вертепе мраморном, прохладном,
В котором льется водоскат,
На ложе роз благоуханном,
Средь лени, неги и отрад,
Любовью распаленный страстной,
С молодой, веселою, прекрасной
И нежной нимфой[13] ты сидишь;
Она поет, ты страстью таешь,
То с ней в весельи утопаешь,
То, утомлен весельем, спишь.
Ты спишь, – и сон тебе мечтает,
Что ввек благополучен ты,
Что само небо рассыпает
Блаженства вокруг тебя цветы;
Что парка дней твоих не косит,
Что откуп вновь тебе приносит
Сибирски горы серебра
И дождь золотой к тебе лиется.
Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера!
Блажен! кто может веселиться
Бесперерывно в жизни сей;
Но редкому пловцу случится
Безбедно плавать средь морей:
Там бурны дышат непогоды,
Горам подобно гонят воды
И с пеною песок мутят.
Петрополь сосны осеняли, –
Но, вихрем пораженны, пали,
Теперь корнями вверх лежат.
Непостоянство доля смертных,
В пременах вкуса счастье их;
Среди утех своих несметных
Желаем мы утех иных;
Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут грации трепать;
И, может быть, с тобой в разлуке
Твоя уж Пенелопа в скуке
Ковер не будет распускать.[14]
Не будет, может быть, лелеять
Судьба уж более тебя
И ветер благоприятный веять
В твой парус: береги себя!
Доколь текут часы золотые
И не приспели скорби злые,
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.
1780

Властителем и судиям[15]
Восстал всевышний бог да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?
Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны

Сирот и вдов не оставлять.
Ваш долг: спасти от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.
Не внемлют! видят – и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.
Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я, подобно страстны[16],
И так же смертны, как и я.
И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!
Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!
1780

Разные вина[17]
Вот красно-розово вино,
За здоровье выпьем жен румяных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст багряных!
Ты тож румяна, хороша, –
Так поцелуй меня, душа!
Вот черно-тинтово вино[18],
За здоровье выпьем чернобровых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст пунцовых!
Ты тож, смуглянка, хороша, –
Так поцелуй меня, душа!
Вот злато-кипрское вино,
За здоровье выпьем светловласых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст прекрасных!
Ты тож, белянка, хороша, –
Так поцелуй меня, душа!
Вот слезы ангельски вино[19].
За здоровье выпьем жен мы нежных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст любезных!
Ты тож нежна и хороша, –
Так поцелуй меня, душа!
1782

Фелица[20]
Богopodobная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту високу гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает, –
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.
Подай, фелица! наставленья:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.

Мягась житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.
Мурзам твоим не подражая, [21]
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем [22]
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.
Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнаска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь, [23]
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезных дней проводишь ток.
А я, проспавши до полудни, [24]
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.
Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и златом,
Где тысячи различных блюд:
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю;
И всё на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.
Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где все мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь;
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.
Или великолепным цугом
В карете англинской, златой,
С собакой, шутом или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне. [25]
Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу

Оставя, ежжу на охоту
и забавляюсь лаем псов; [26]
Или над невскими брегами
я тешусь по ночам рогами
и греблей удалых гребцов. [27]
Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки реэвмися порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За Библией, зевая, сплю. [28]
Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой, [29]
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.
Нашел, – но лэзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесть живет;
Пашей всех роскошь угнетает. –
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?
Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно, [30]
Союзом целость их крепить;
Из разногласия согласие
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревуший,
Умеет судном управлять.
Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхождением правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, –
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.
Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь,
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава –
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад;
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.
Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,

Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть. [31]
Еще же говорят неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.
Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить; [32]
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам,
Всегда склоняешься простить.
Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирной,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах [33]
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.
Там с именем фелицы можно
В строке описку поскоблить
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья наседками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.
Ты ведаешь, фелица! правы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь».
Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтись мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом [34],
Кто благостью велик, как бог?
Фелицы слава, слава бога,
Который брани усмирил [35];
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.
Который даровал свободу [36]

В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить;
Которого закон, десница
Дают и милости и суд.
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличён от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют? –
У трона разве твоего!
Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде, Смирне, Кашемире?
Послушай, где ты ни живешь:
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.
Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья наслажусь!
Небесные прошу я силы,
Да, их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.
1782

Видение Мурзы[37]
На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росю,
Моих домашних усыплял;
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
чуть Бельт[38] в брегах своих сверкал;
Природа, в тишину глубоко
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувствам принося.
Я не спал, – и, со звоном лиры
Мой тихий голос соглася,
«Блажен, – воспел я, – кто доволен
В сем свете жребием своим,

Обилен, здоров, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден,
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженства мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира[39]
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединенный
Делить и скуку и труды!
Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды
Из теремов своих янтарных
И серебро-розовых светлиц,
Как будто из улусов[40] дальних,
Украдкой от придворных лиц,
За рассказы, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгоценные дары
И в досканцах[41] червонцы шлют;
Блажен!» Но с речью сей незапно
Мое все зданье потряслось,
Раздвиглись стены, и стократно
Ярче молний пролилось
Сиянье вокруг меня небесно;
Сокрылась, побледнев, луна.
Виденье я узрел чудесно:
Сошла со облаков жена, –
Сошла – и жрицей очутилась[42]
или богиней предо мной.
Одежда белая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главе корона,
Сиял при персях пояс злат;
Из черно-огненна виссона, [43]
Подобный радуге, наряд
С плеча десного полосую
Висел на левую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенном она жару
Сжигая маки благовонны
Служила вышню божеству.
Орел полунощный, огромный, [44]
Сопутник молний торжеству,
Геройской провозвестник славы,
Сидя пред ней на груди книг,
Священны блюл ее уставы;
Потухший гром в кохтях своих
И лавр с оливными ветвями
Держал, как будто бы уснув.
Сафи́ро-светлыми очами,
Как в гневе иль в жару, блеснув,
Богиня на меня воззрела.
Пребудет образ ввек во мне,
Она который впечатлела!
«Мурза! – она вещала мне, –
Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.
Вострепещи, мурза несчастный!
И страшны истины внемли,

Которым стихотворцы страстны
Едва ли верят на земли;
Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. Когда
Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов, – тогда
Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к лести
И тленной похвале людей.
Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже,
А где поэты не льстецы?
И ты сирен поющих грому
В вред добродетели не строй;
Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой.
Хранящий муж честные нравы,
Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала.
Оставь нектаром наполненну
Опасну чашу, где скрыт яд». .
«Кого я зрю столь дерзновенну
И чьи уста меня разят?
Кто ты? Богиня или жрица?» –
Мечту стоящу я спросил.
Она рекла мне: «Я Фелица»
Рекла – и светлый облак скрыл
От глаз моих ненасыщенных
Божественны ее черты;
Курение мастик бесценных
Мой дом и место то цветы
Покрыли, где она явилась.
Мой бог! мой ангел во плоти!..
Душа моя за ней стремилась;
Но я за ней не мог идти,
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был.
Но, током слезным орошенный,
Пришел в себя и возгласил:
Возможно ль, кроткая царевна!
И ты к мурзе чтоб своему
Была сурова столь и гневна,
И стрелы к сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
К себе и ты не одобряла?
Довольно без тебя людей,
Довольно без тебя поэту
За каждую мысль, за каждый стих
Ответствовать лихому свету
И от сатир щититься злых!
Довольно золотых кумиров,
Без чувств мои что песни чли;
Довольно кадиев[45], факиров[46],
Которы в зависти сочли
Тебе их неприличной лестью;
Довольно нажил я врагов!
Иной отнес себе к бесчестью,
Что не дерут его усов;
Иному показалось больно,
Что он наседкой не сидит;
Иному – очень своевольно
С тобой мурза твой говорит;
Иной вменял мне в преступленье,
Что я посланницей с небес

Тебя быть мыслил в восхищенье
И лил в восторге токи слез.
И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов. [47]
Но пусть им здесь докажет муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю,
И что не из чужих анбаров
Тебе наряды я крою.
Но, венценосна добродетель!
Не лесть я пел и не мечты,
А то, чему весь мир свидетель:
Твои дела суть красоты.
Я пел, пою и петить их буду
И в шутках правду возвещу;
Татарски песни из-под спуду,
Как луч, потомству сообщу;
Как солнце, как луну, поставлю
Твой образ будущим векам;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой бессмертен буду сам».
1783–1784 (?)

Бог

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества! [48]
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: бог.
Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, –
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает, –
В твоём величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.
Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавший все единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!
Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от тебя рождаются;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют, –
Так звезды в безднах под тобой.
Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,

Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры –
Перед тобой – как ночь пред днем.
Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, – и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед тобой – ничто.
Ничто! Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чаёт, [49]
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь – конечно, есть и ты!
Ты есть! – природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть – и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.
Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог.
Твое созданье я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! – в бессмертие твое.
Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.
1784

Осень во время осады Очакова[50]
Спустил седой Эол Борей
С цепей чугунных из пещер;
Ужасные криле расширя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давнул, – и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.
Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птички,
Ковыль сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листья
Расстлались всюду по тропам.
В опушке заяц быстроногий,
Как колпик[51] поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай[52] и гул гремит.
Запасшися крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедрым небом,
Блаженство дней своих поет.
Борей на Осень хмурит брови
И зиму с севера зовет,
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.
Наместо радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.
Пустыни сетуют и доли,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.
Ушел олень на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь;
По селам нимфы голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом дома,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть.
Российский только Марс, Потемкин,
Не ужасается зимы:
По развевающим знаменам
Полков, водимых им, орел
Над древним царством Митридата[53]
летает и темнит луну[54];
Под звучным крил его мельканьем
То черн, то бледн, то рдян Эвксин[55].
Огонь, в волнах не угасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред ними росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет;
Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помышляет:
Или умрет, иль победит.
Мужайся, твердый росс и верный,
Еще победой возблистать!

Ты не наемник, сын усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкин вождь, бог покровитель;
Твоя геройска грудь твой щит,
Честь мзда твоя, вселенна зритель,
Потомство плесками гремит.
Мужайтесь, росски Ахиллесы,
Богини северной сыны!
Хотя вы в Стикс не погружались, [56]
Но вы бессмертны по делам.
На вас всех мысль, на вас всех взоры,
Дерзайте ваших вслед отцов!
И ты спеша скорей, Голицын!
Принести в твой дом с оливой лавр.
Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом;
Когда с горячностью обнимешь
Ты семерых твоих сынов,
На мать нежны взоры вскинешь
И в радости не сыщешь слов.
Когда обильными речами
Потом восторг свой изъявишь,
Бесценными побед венцами
Твою супругу удивишь;
Геройские дела расскажешь
Ее ты дяди и отца, [57]
И дух и ум его докажешь
И как к себе он влек сердца.
Спеша, супруг, к супруге верной,
Обрадуй ты, утешь ее;
Она задумчива, печальна,
В простой одежде и, власы
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе;
И светло-голубые взоры
Ее всечасно слезы льют.
Она к тебе вседневно пишет:
Твердит то славу, то любовь,
То жалостью, то негой дышит,
То страх ее смущает кровь;
То дяде торжества желает,
То жаждет мужниной любви,
Мятется, борется, вещает:
«Коль долг велит, ты лавры рви!»
В чертоге вокруг ее безмолвном
Не смеют нимфы пошептать;
В восторге только музы томном
Осмелились сей стих бряцать.
Румяна Осень! радость мира!
Умножь, умножь еще твой плод!
Приди, желанна весть! – и лира
Любовь и славу воспоеет.
1788

Философы, пьяный и трезвый [58]
Пьяный
Сосед! на свете все пустое:
Богатство, слава и чины.
А если за добро прямое
Мечты быть могут почтены,
То здраво и покойно жить,
С друзьями время проводить,
Красот любить, любимым быть
И с ними сладко есть и пить.
Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!

Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!
Трезвый
Сосед! на свете не пустое –
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщем в них прямое,
Когда мы будем лишь умны,
Привыкнем прямо честь любить,
Умеренно, в довольстве жить,
По самой нужде есть и пить,
То можем все счастливы быть.
Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный
Гонялся я за звучной славой,
Встречал я смело ядры лбом;
Сей зверской упоен отравой,
Я был ужасным дураком.
Какая польза страшным быть,
Себя губить, других мертвить,
В убийстве время проводить?
Безумно на убой ходить.
Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!
Трезвый

Гоняться на войне за славой
И с ядрами встречаться лбом
Велит тому рассудок здравой,
Кто лишь рожден не дураком:
Царю, отечеству служить,
Чад, жен, родителей хранить,
Себя от плена беречь –
Священна должность храбрым быть!
Пусть пенится вино прекрасно!
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный
Хотел я сделаться судьей,
Законы свято соблюдать, –
Увидел, что кривят душою,
Где должно сильных осуждать.
Какая польза так судить?
Одних щадить, других казнить
И совестью своей шутить?
Смешно в тенета мух ловить.
Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!
Трезвый

Когда судьба тебе судьейю
В судах велела заседать,
Вертеться нужды нет душою,
Когда не хочешь взяток брать.
Как можно так и сяк судить,
Законом правду тенетить
И подкупать себя пустить?
Судье злодеем страшно быть!
Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

На взятие Измаила[59]
О, коль монарх благополучен,

кто знает россами владеть!

Он будет в свете славой звучен

И всех сердца в руке иметь.

Ода г. Ломоносова
Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит;
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам вслед звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клопочут реки рдяной лавы, –
О росс! Таков твой образ славы,
что зрел под Измаилом свет!
О росс! о род великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполин, царю послушный!
Когда и где ты досягнуть
Не мог тебя достойной славы?
Твои труды – тебе забавы;
Твои венцы – вокруг блеск громов;
В полях ли брань – ты тмишь свод звездный,
В морях ли бой – ты пенишь бездны, –
Везде ты страх твоих врагов.
На подвиг твой вождя веленьем[60]
Ты идешь, как жених на брак.
Марс видит часто с изумленьем,
что и в бедях твой весел зрак.
Где вокруг драконы медны[61] ржали,
Из трех сот жерл огнем дышали, [62]
Ты там прославился днесь вновь.
Вождь рек: «Се стены Измаила!
Да сокрушит твоя их сила!..»
И воскипела бранна кровь.
Как воды, с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, ревут,
Волнами, льдом трясут плотину,
К твердыням россы так текут.
Ничто им путь не воспящает;
Смертей ли бледных полк встречает
Иль ад скрежещет зевом к ним, –
Идут, как в тучах скрыты громы,
Как двигнуты безмолвны холмы;
Под ними стон, за ними – дым.
Идут в молчании глубококом,
Во мрачной, страшной тишине,
Собой пренебрегают, роком;
Зарница только в вышине
По их оружию играет;
И только их душа сияет,
Когда на бой, на смерть идет.
Уж блещут молнии крылами,
Уж осыпаются громами –
Они молчат, – идут вперед.
Не бард ли древний, исступленный,
Волшебным их ведет жезлом?
Нет! свыше пастырь вдохновенный
Пред ними идет со крестом;
Венцы нетленны обещает
И кровь пролить благословляет
За честь, за веру, за царя;

За ним вождей ряд пред полками,
Как бурных дней пред облаками
Идет огнистая заря.
Идут. – Искусство зрит заслугу
И, сколь их дух был тут велик,
Вещает слух земному кругу,
Но мне их раздается крик;
По лестницам на град, на стогны,
Как шумны волны через волны,
Они возносятся челом;
Как уголь – их взоры раскаленны,
Как львы на тигров устремленны,
Бегут, стеснясь, на огонь, на гром.
О! что за зрелище предстало!
О пагубный, о страшный час!
Злодейство что ни вымышляло,
Поверглось, россы, все на вас!
Зрю камни, ядра, вар и бревны, –
Но чем герои уstraшены?
Чем может отражен быть росс?
Тот лезет по бревну на стену;
А тот летит с стены в геенну, –
Всяк Курций, Деций, Буароз! [63]
Всяк помнит должность, честь и веру,
Всяк душу и живот кладет.
О россы! нет вам, нет примеру,
И смерть сама вам лавр дает.
Там в грудь, в сердца лежат пронзенны,
Без сил, без чувств, полмертвы, бледны,
Но мнят еще стерть вражий рог:
Иной движеньем ободряет,
А тот с победой восклицает:
«Екатерина! – с нами бог!»
Какая в войсках храбрость рьяна!
Какой великий дух в вождях!
В одних душа рассудком льдяна,
У тех пылает огонь в сердцах.
В зиме рожденны под снегами,
Под молниями, под громами,
Которых с самых юных дней
Питала слава, верность, вера, –
Где можно вам сыскать примера?
Не посреди ль стихийных преи?
Представь: по светлости лазуря,
По наклонению небес
Взошла черно-багрова буря
И грозно возлегла на лес;
Как страшна ночь, надулась чревом,
Дохнула с свистом, воем, ревом,
Помчала воздух, прах и лист;
Под тяжкими ее крылами
Упали кедры вверх корнями
И затрещал Ливан кремнист.
Представь последний день природы,
Что пролилася звезд река;
На огонь пошли стеною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи к тучам гнали,
Что мрак лишь молнии освещали,
Что гром потряс всемирну ось,
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се вид, как вшел в Измаил росс!
Вошел! «Не бойся», – рек, – и всюды
Простер свой троегранный штык:
Поверглись тел кровавы груды,
Напрасно слышан жалоб крик;
Напрасно, – бранны человеки! –

Вы льете крови вашей реки,
Котору должно бы беречь;
Но с самого веков начала
Война народы пожирала,
Священ стал долг: рубить и жечь!
Тот мыслит овладеть всем миром,
Тот не принять его оков;
Вселенной царь стал врану пиром,
Герои – снедию волков.
Увы! пал крин, и пали терны. –
Почто ж? Судьбы небесны темны, –
Я здесь пою лишь браней честь.
Нас горсть, – но полк лежит пред нами;
Нас полк – но с тысячами и тьмами
Мы низложили город в персть.
И се уже шумя стремится
Кровавой пены полн Дунай,
Пучина черная багрится,
Спершись от трупов, с краю в край;
Уже бледнеюща Мрамора[64]
Дрожит плывуща к ней позора,
Костры тел видя за костром!
Луна полна на башнях крови,
Поникли гордой Мекки брови;
Стамбул склонился вниз челом.
О! ежели издревле миру
Побед славнейших звук гремит,
И если приступ славен к Тиру[65], –
К Измаилу больше знаменит.
Там был вселенной покоритель,
Машин и башен сам строитель,
Горой он море запрудил,[66]
А здесь вождя одно веленье
Свершило храбрых россов рвенье;
Великий дух был вместо крыл.
Услышь, услышь, о ты, вселенна!
Победу смертных выше сил;
Внимай, Европа удивленна,
Каков сей россов подвиг был.
Языки, знайте, вразумляйтесь,
В надменных мыслях содрогайтесь;
Уверьтесь сим, что с нами бог;
Уверьтесь, что его рукою
Один попрет вас росс войною,
Коль встать из бездны зол возмог!
Я вижу страшную годину:
Его три века держит сон,[67]
Простертую под ним долину
Покрыл везде колючий терн;
Лице туман подернул бледный,
Ослабли мышцы удрученны,
Скатилась в мрак глава его;
Разбойники вокруг суровы
Взложили тяжкие оковы,
Змия на сердце у него.
Он спит – и несекомы гады
Румяный потемняют зрак,
Войны опустошают грады,
Раздоры пожирают злак;
Чуть зрится блеск его короны,
Страдает вера и законы,
И ты, к отечеству любовь!
Как зверь, его Батый рвет гладный,
Как змей, сосет лжецарь[68] коварный,
Повсюду пролилася кровь!
Лежал он во своей печали,
Как темная в пустыне ночь;
Враги его рукоплескали,

Друзья не мыслили помочь,
Соседи грабежом алкали;
Князья, бояра в неге спали
И ползали в пыли, как червь, –
Но бог, но дух его великий
Сотряс с него беды толики, –
Расторгнул лев железну вервь!
Восстал! как утром холм высокой
Встает, подъемляся челом
Из мглы широкой и глубокой,
Разлитой вокруг его, и, гром
Поверх главы в ничто вменяя,
Ногами волны попирая,
Пошел – и кто возмог против?
От шлема молнии скользили,
И океаны уступили,
Стопам его пути открыв.
Он сильны орды пхнул ногою,
Края азийски потряслись;
Упали царствы под рукою,
Цари, царицы в плен влеклись;
И победителей разитель,
Монархий света разрушитель [69]
Простерся под его пятой;
В Европе грады брал, тряс троны,
Свергал царей, давал короны
Могущею своей рукой.
Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел:
Без помощи, от всех стесненный,
Ярем с себя низвергнуть смел
И, вырвав бы венцы лавровы,
Возверг на тех самих оковы,
Кто столько свету страшен был?
О росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель;
Лишь твой орел луну затмил.
Лишь ты, простря твои победы,
Умел щедроты расточать:
Поляк, турк, перс, прус, хин и шведы
Тому примеры могут дать.
На тех ты зришь спокойно стены.
Тем паки отдал грады пленны;
Там унял прю, тут бунт смирил;
И сколь ты был их победитель,
Не меньше друг, благотворитель,
Свое лишь только возвратил.
О кровь славян! Сын предков славных!
Несокрушаемый колосс!
Кому в величестве нет равных,
Возросший на полсвете росс!
Твои коль славны древни следы!
Громчай суть нынешни победы:
Зрю вокруг тебя лавровый лес;
Кавказ и Тавр [70] ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступаешь [71]
И досязаешь до небес.
Уже в Эвксине с полунощи
Меж вод и звезд лежит туман;
Под ним плывут дремучи рощи; [72]
Средь них как гор отломок льдян
Иль мужа нека тень седая
Сидит, очами озирая:
Как полный месяц щит его,
Как сосна рында обоженна [73],
Глава до облак вознесенна, –
Орел над шлемом у него.
За ним золотая колесница

По розовым летит зарям;
 Сидящая на ней царица, [74]
 Великим равная мужам,
 Рукою держит крест одною,
 Возженный пламенный другою,
 И сыплет блески на Босфор;
 Уже от северного света
 Лице бледнеет Магомета,
 И мрачный отвратил он взор.
 Не вновь ли то Олег [75] к Востоку
 Под парусами флот ведет
 И Ольга [76] к древнему потоку
 Занятый ею свет лиет?
 Иль россом идет дух военный,
 Христовой верой провожденный,
 Ахейя спасти, агарян стерть [77]? –
 Я слышу, громы ударяют,
 Пророки, камни возглашают [78]:
 «То будет ныне или впредь!»
 О! вы, что в мыслях суетитесь
 Столь славный россу путь претить, [79]
 Помочь врагу Христову тщитесь
 И вере вашей изменить!
 Чем столько поступать неправо,
 Сперва исследуйте вы здраво
 Свой путь, цель росса, суд небес;
 Исследуйте и заключите:
 Вы с кем и на кого хотите?
 И что ваш року перевес?
 Ничто; – коль росс рожден судьбою
 От варварских хранить вас уз,
 Темиров [80] попирает ногою,
 Блюсть ваших от Омаров муз, [81]
 Отмстить крестовые походы,
 Очистить иордански воды,
 Священный гроб освободить,
 Афинам возвратить Афину, [82]
 Град Константинов Константину [83]
 И мир Афету водворить. [84]
 Афету мир? – О труд избранный!
 Достойнейший его детей,
 Великими людьми желанный,
 Свершишься ль ты средь наших дней?..
 Доколь, Европа просвещенна,
 С перуном будешь устремленна
 На кровных братиев своих?
 Не лучше ль внутрь раздор оставить
 И с россом грудь одну составить
 На общих супостат твоих?
 Дай руку! – и пожди спокойно;
 Сие и росс один свершит,
 За беспрепятствие достойно
 Тебя трофеем наградит.
 Дай руку! дай залог любви!
 Не лей твоей и нашей крови,
 Да месть всем в грудь нам не взойдет;
 Пусть только ум Екатерины,
 Как Архимед, создаст машины;
 А росс вселенной потрясет.
 Чего не может род сей славный,
 Любя царей своих, свершить?
 Умейте лишь, главы венчанны!
 Его бесценну кровь щадить.
 Умейте дать ему вы льготу,
 К делам великим дух, охоту
 И правотой сердца пленить.
 Вы можете его рукою
 Всегда, войной и не войною,

Весь мир себя заставить чтить.
Война, как северно сиянье,
Лишь удивляет чернь одну:
Как светлой радуги блистанье,
Всяк мудрый любит тишину.
Что благовонней аромата?
Что слаще меда, краше злата
И драгоценнее порфир?
Не ты ль, которого всем взгляды
Льют обилие, прохлады,
Прекрасный и полезный мир?
Приди, о кроткий житель неба,
Эдемской гражданин страны!
Приди! – и, как спутник феба,
Дух теплотворный, бог весны,
Дохни везде твоей душою!
Дохни, – да расцветет тобою
Рай сладости в домах, в сердцах!
Под сению Екатерины
Венчанны лавром исполины
Возлягут на своих громах.
Премудрость царствы управляет;
Крепит их вера, правый суд;
Их труд и мир обогащает,
Любовию они цветут.
О пол прекрасный и почтенный,
Кем россы рождены, кем пленны!
И вам днесь предлежат венцы.
Плоды побед суть звуки славы,
Побед основа – тверды нравы,
А добрых нравов вы творцы!
Когда на брани вы предметов
Лишились любви своей,
И если без войны, наветов
Полна жизнь наша слез, скорбей, –
Утештесь! Ветры в ветры дуют,
Стихии меж собой воюют;
Сей свет – училище терпеть.
И брань коль восстает судьбою,
Сын россиянки среди бою
Со славой должен умереть.
А слава тех не умирает,
Кто за отечество умрет;
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.
Времен в глубоком отдаленьи
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огонь польется,
Когда по рощам разнесется
Бессмертной лирой дел их звук.
Конец 1790 или начало 1791

Водопад[85]

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами, [86]
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.
Шумит, и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечно влекутся.
Седая пена по берегам
Лежит буграми в дебрях темных;

Стук слышен млатов по ветрам, [87]
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоём жерле
Все утопает в бездне, в мгле!
Ветрами ль сосны пораженный? –
Ломаются в тебе в куски;
Грозами ль камни отторженны? –
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? –
Как пыль стеклянна ниспадают.
Волк рыщет вокруг тебя и, страх
В ничто вменяя, становится;
Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нём щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Он воет, согласясь с тобой.
Лань идет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падающих рев,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж дерев;
Ее страшит вокруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.
Ретивый конь [88], осанку горду
Храня, к тебе порой идет;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прядет;
И, подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.
Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу – некий муж седой [89]
Склонился на руку главой.
Копье и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, обвитый повиликой,
Лежат во мху у ног его.
В броне блистая златордяной,
Как вечер во заре румяной, [90]
Сидит – и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает?
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.
Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздаётся,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?
Не зрим ли всякой день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?
Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скрып подземной?
Не упадет ли в сей зев
С престола царь и друг царев?
Падут, – и вождь непобедимый,
В Сенате Цезарь средь похвал, [91]
В тот миг, желал как диадимы,
Закрыв лицо плащом, упал;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны к трону вежды.
Падут, – и несравненный муж
Торжеств несметных с колесницы,
Пример великих в свете душ,
Презревший прелесть багряницы.

Пленивший Велизар[92] царей
В темнице пал, лишен очей.
Падут. – И не мечты прельщали,
Когда меня, в цветущий век,
Давно ли города встречали,
Как в лаврах я, в оливах тек?[93]
Давно ль? Но, ах! теперь во брани
Мои не мещут молний длани!
Ослабли силы, буря вдруг
Копье из рук моих схватила; [94]
Хотя и бодр еще мой дух,
Судьба побед меня лишила».
Он рек – и тихим позабылся сном,
Морфей покрыл его крылом.
Сошла октябрьска ночь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигде я ничего не внемлю,
Кроме ревуция волны,
О камни с высоты дробимой
И снежною горою зримой.
Пустыня, взор насупя свой,
Утесы и скалы дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробежали,
Из коих трепетна, бледна,
Проглядывала вниз луна.
Глядела и едва блистала,
Пред старцем преклонив рога,
Как бы с почтеньем познавала
В нем своего того врага,
Которого она страшилась,
Кому вселенная дивилась.
Он спал – и чудотворный сон
Мечты ему являл геройски:
Казалось ему, что он
Непобедимы водит войски;
Что вокруг его перун молчит,
Его лишь мановенья зрит.
Что огнедышущи за перстом
Ограды вслед его идут; [95]
Что в поле гладком, вокруг отверстом,
По слову одному растут
Полки его из скрытых станов,
Как холмы в море из туманов.
Что только по траве росистой
Ночные знать его шаги;
Что утром пыль, под твердью чистой,
Уж поздно зрят его враги;
Что остротой своих зениц
Блюдет он их, как ястреб птиц.
Что, положа чертеж и меры,
Как волхв невидимый, в шатре,
Тем кажет он в долу химеры [96],
Тем – в тиграх агнцев на горе,
И вдруг решительным умом
На тысячи бросает гром.
Что орлю дерзость, гордость лунну,
У черных и янтарных волн,
Смирил [97] колхиду златорунну [98],
И белого царя урон
Рая вечерня пред границей
Отмстил [99] победами сторицей.
Что, как румяной луч зари,
Страну его покрыла слава;
Чужие вóжди и цари,
Своя владычица, держава,
И все везде его почли,
Триумфами превознесли. [100]

Что образ, имя и дела
Цветут его средь разных глянец;
Что верх сребристого чела
В венце из молненных румянцев
Блится в будущих родах,
Отсвечиваясь в сердцах.
Что зависть, от его сиянья
Свой бледный потупляя взор,
Среди безмолвного стенанья
Ползет и ищет токмо нор,
Куда бы от него сокрыться,
И что никто с ним не сравнится.
Он спит – и в сих мечтах веселых
Внимает завыванье псов,
Рев ветров, скрип дерев дебелых,
Стенанье филинов и сов,
И вещей глас вдали животных,
И тихий шорох вокруг бесплотных.
Он слышит: сокрушилась ель,
Станица вранов встрепетала,
Кремнистый холм дал страшну щель,
Гора с богатствами упала;
Грохочет эхо по горам,
Как гром гремящий по громам.
Он зрит одету в ризы черны
Крылату некую жену,
Власы имевшу распущенны,
Как смертну весть, или войну,
С косой в руках, с трубой стоящу,
И слышит он: «проснись!» гласящу.
На шлеме у нее орел
Сидел с перуном помраченным,
В нем герб отечества он зрел;
И, быв мечтой сей возбужденным,
Вздыхнул и, испустя слез дождь,
Вещал: «Знать, умер некий вождь [101]!
Блажен, когда, стремясь за славой,
Он пользу общую хранил,
Был милосерд в войне кровавой
И самых жизнь врагов щадил:
Благословен средь поздних веков
Да будет друг сей человеков!
Благословенна похвала
Надгробная его да будет,
Когда всяк жизнь его, дела
По пользам только помнить будет;
Когда не блеск его прельщал
И славы ложной не искал!
О! слава, слава в свете сильных!
Ты точно есть сей водопад.
Он вод стремлением обильных
И шумом льющихся прохлад
Великолепен, светл, прекрасен,
Чудесен, силен, громок, ясен;
Дивиться вокруг себя людей
Всегда толпами собирает;
Но если он водой своей
Удобно всех не напояет,
Коль рвет брега и в быстротах
Его нет выгод смертным, – ах!
Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть;
Подобясь ручейкам прелестным,
Поля, луга, сады кропить,
И тихим вдалеке журчаньем
Потомство привлекать с вниманьем?
Пусть на обросший дерном, холм
Приидет путник и воссядет

И, наклонясь своим челом
На подписанье гроба, скажет:
«Не только славный лишь войной,
Здесь скрыт великий муж душой».
О! будь бессмертен, витязь бранный,
Когда ты весь соблюл свой долг!» –
Вещал сединой муж венчанный
И, в небеса воззрев, умолк.
Умолк, – и глас его промчался,
Глас мудрый всюду раздавался.
Но кто там идет по холмам,
Глядясь, как месяц, в воды черны?
Чья тень спешит по облакам
В воздушные жилища горны?
На темном взоре и челе
Сидит глубока дума в мгле!
Какой чудесный дух крылами
От севера парит на юг?
Ветр медлен, течь его стезями,
Обозревает царствы вдруг;
Шумит, и как звезда блистает,
И искры в след свой рассыпает.
Чей труп, как на распутии мгла,
Лежит на темном лоне ночи?
Простое рубище чресла,
Две лепта[102] покрывают очи,
Прижаты к холодной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!
Чей одр – земля; кров – воздух, синь; [103]
Чертоги – вокруг пустыни виды?
Не ты ли счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды[104]?
Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей?
Не ты ль наперсником близ трона
У северной Минервы[105] был;
Во храме муз друг Аполлона;
На поле Марса вождем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ – хотя и не в порфире?
Не ты ль, который взвесить смел
Мощь росса, дух Екатерины
И, опершись на них, хотел
Вознести твой гром на те стремнины,
На коих древний Рим[106] стоял
И всей вселенной колебал?
Не ты ль, который орды сильны
Соседей хищных истребил, [107]
Пространны области пустыни
Во грады, в нивы обратил,
Покрывл понт Черный кораблями,
Потряс средду земли громами?
Не ты ль, который знал избрать
Достойный подвиг русской силе,
Стихии самые попать
В Очакове и в Измаиле,
И твердой дерзостью такой
Быть дивом храбрости самой?
Се ты, отважнейший из смертных!
Парящий замыслами ум!
Не шел ты средь путей известных,
Но проложил их сам – и шум
Оставил по себе в потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкин!
Се ты, которому врата
Торжественные[108] созидали;
Искусство, разум, красота
Недавно лавр и мирт сплетали;

Забавы, роскошь вокруг цвели,
И счастье с славой следом шли.
Се ты, небесного плод дара
Кому едва я посвятил,
В созвучность громкого Пиндара
Мою настроить лиру мнил,
Воспел победу Измаила,
Воспел, но смерть тебя скосила!
Увы! и хоров сладкий звук
Моих в стенанье превратился;
Свалилась лира с слабых рук,
И я там в слезы погрузился,
Где бездна разноцветных звезд
Чертог являли райских мест. [109]
Увы! и громы онемели,
Ревущие тебя вокруг;
Полки твои осиротели,
Наполнили рыданьем слух;
И все, что близ тебя блистало,
Уныло и печально стало.
Потух лавровый твой венок, [110]
Гранена булава [111] упала,
Меч в полножьи войти чуть мог, [112]
Екатерина возрыдала!
Полсвета потряслось за ней
Незапной смертию твоей!
Оливы свежи и зелены
Принес и бросил Мир из рук;
Родства и дружбы вопли, стоны
И муз ахейских жалкий звук
Вокруг Перикла раздаётся [113]:
Марон по Меценате рвется, [114]
Который почестей в лучах,
Как некий царь, как бы на троне,
На серебро-розовых конях,
На золотом фаэтоне,
Во сонме всадников блистал
И в смертный черный одр упал!
Где слава? Где великолепье?
Где ты, о сильный человек?
Мафусаила долголетье [115]
Лишь было б сон, лишь тень наш век;
Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое.
Иль нет! – тяжелый некий шар,
На нежном волоске висящий,
В который бурь, громов удар
И молнии небес ярящи
Отвсюду беспрестанно бьют
И, ах! зефиры легки рвут.
Единый час, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихиев дуновенье
Гигантов в прах преобразить:
Их ищут места – и не знают:
В пыли героев попирают!
Героев? – Нет! – но их дела
Из мрака и веков блистают;
Нетленна память, похвала
И из развалин вылетают;
Как холмы, гробы их цветут;
Напишется Потемкин труд.
Театр его был край Эвксина;
Сердца обязанные – храм;
Рука с венцом – Екатерина;
Гремяща слава – фимиам;
Жизнь – жертвенник торжеств и крови,
Гробница – ужаса, любви.

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистает темной ночи,
Дуная мрачная волна
Сверкает кровью и сквозь рощи
Вкруг Измаила ветер шумит,
И слышен стон, – что турок мнит?
Дрожит, – и во очах сокрытых
Еще ему штыки блестят,
Где сорок тысяч вдруг убитых
Вкруг гроба Вейсмана лежат. [116]
Мечтаются ему их тени
И рос в крови их по колени!
Дрожит – и обращает взгляд
Он робко на окрестны виды;
Столпы на небесах горят
По суше, по морям Тавриды! [117]
И мнит, в Очакове что вновь
Течет его и мерзнет кровь.
Но в ясный день, средь светлой влаги,
Как ходят рыбы в небесах
И вьются полосаты флаги,
Наш флот на вздутых парусах
Вдали белеет на лиманах, –
Какое чувство в россиянах?
Восторг, восторг они, – а страх
И ужас турки ощущают;
Им мох и терны во очах,
Нам лавр и розы расцветают
На мавзолеях у вождей,
Властителей земель, морей.
Под деревом, при заре вечерней
Задумчиво Любовь сидит,
От цитры ветерок весенней
Ее повсюду голос мчит;
Перлова грудь ее вздыхает,
Геройский образ оживляет. [118]
Поутру солнечным лучом
Как монумент златый зажжется,
Лежат объаты серны сном
И пар вокруг холмов виется,
Пришедши, старец надпись зрит:
«Здесь труп Потемкина сокрыт!»
Алцибиадов прах [119]! И смеет
Червь ползать вкруг его главы?
Взять шлем Ахиллов не робеет,
Нашедши в поле, Фирс [120]? Увы!
И плоть и труд коль истлевает,
Что ж нашу славу составляет?
Лишь истина дает венцы
Заслугам, кои не увянут;
Лишь истину поют певцы,
Которых вечно не престанут
Греметь перуны сладких лир;
Лишь праведника свят кумир.
Услышьте ж, водопады мира!
О славой шумные главы!
Ваш светел меч, цветна порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имели только мету,
Чтоб счастье доставить свету.
Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух и взгляд
Твоим стремленьем, светлым, звучным
И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!
Живи! и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,

В умах тебя не затмевали
Разжженный гром и черный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.
И ты, о водопадов мать!
Река, на Севере гремяща,
О Суна[121]! коль с высот блистать
Ты можешь – и, от зарь горяща,
Кипишь и сеешься дождем
Сафирным, пурпурным огнем, –
То тихое твоё течение,
Где ты сама себе равна,
Мила, быстра и не в стремленье,
И в глубине твоей ясна,
Важна без пены, без порыву,
Полна, велика без разливу,
И без примеса чуждых вод
Поя златые в нивах бреги,
Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги –
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.
1791–1794

На птичку
Поймали птичку голосисту
И ну сжимать её рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»
1792 или 1793

На смерть собачки Милушки,
которая при получении известия
о смерти Людовика XVI упала
с колен хозяйки и убила до смерти
Увы! Сей день с колен Милушка
и с трона Людвиг[122] пал. – Смотри,
О смертный! Не всё ль судеб игрушка –
Собачки и цари?
1793

Мой истукан[123]
Готов кумир, желанный мною,
Рашет его изобразил!
Он хитрою своей рукою
Меня и в камне оживил.
Готов кумир! – и будет чтиться
Искусство Праксителя в нем,
Но мне какою честью льститься
В бессмертном истукане сем?
Без славных дел, гремящих в мире,
Ничто и царь в своем кумире.
Ничто! и не живет тот смертный,
О ком ни малой нет молвы,
Ни злом, ни благом не приметный,
Во гробе погребен живой.
Но ты, о зверских душ забава!
Убийство! – я не льщусь тобой,
Батыев и Маратов слава
Во ужас дух приводит мой;
Не лучше ли мне быть забвенну,
Чем узами сковать вселенну?
Злодейства малого мне мало,
Большого делать не хочу;
Мне скиптра небо не вручало,
И я на небо не ропчу.
Готов я управляться властью;
А если ею и стеснюсь

Стихотворения. Гаврила Романович Державин derzhavingabriel.ru
Чрез зло, моею я низкой частью[124]
С престолом света не сменяю.
Та мысль всех казней мне страшней:
Представить в вечности злодея!
Злодей, который самолюбью
И тайной гордости своей
Всем жертвует; его орудью
Преграды нет, алчбе – цепей;
Внутри совестью своей размучен,
Вне с радостью губит других;
Пусть дерзостью, удачей звучен,
Но не велик в глазах моих.
Хотя бы богом был он злобным,
Быть не хочу ему подобным.
Легко злом мир греметь заставить,
До Герострата только шаг; [125]
Но трудно доблестью прославить
И воцарить себя в сердцах:
Век должно добрым быть нам тщиться,
И плод нам время даст одно;
На зло лишь только бы решиться,
И вмиг соделано оно.
Редка на свете добродетель,
И редок благ прямых содетель.
Он редок! Но какая разность
Меж славой доброй и худой?
Чтоб имя приобрести нам, знатность,
И той греметь или другой,
Не все ль равно? – Когда лишь будет
Потомство наши знать дела,
И злых и добрых не забудет.
Ах, нет! природа в нас влила
С душой и отвращенье к злобе,
Любовь к добру и сущим в гробе.
Мне добрая приятна слава,
Хочу я человеком быть,
Которого страстей отрава
Бессильна сердце развратить;
Кого ни мзда не ослепляет,
Ни сан, ни месть, ни блеск порфир;
Кого лишь правда научает,
Любя себя, любить весь мир
Любовью мудрой, просвещенной,
По добродетели священной.
По ней, которая составляет
Вождей любезных и царей;
По ней, которая извлекает
Сладчайши слезы из очей.
Эпаминонд[126] ли защититель,
Или благотворитель Тит[127],
Сократ ли, истины учитель,
Или правдивый Аристид, –
Мне все их имена почтенны
И истуканы их священны.
Священ мне паче зрак героев,
Моих любезных сограждан,
Пред троном, на суде, среди боев
Душой великих россиян.
Священ! – Но если здесь я чести
Современных не возвещу,
Бояся подозренья в лести,
То вас ли, вас ли умолчу,
О праотцы! делами славны,
Которых вижу истуканы?
А если древности покровом
Кто предо мной из вас и скрыт,
В венце оливном и лавровом
Великий Петр как жив стоит;

Монархи мудры, милосерды,
За ним отец его и дед;
Отечества подпоры тверды,
Пожарский, Минин, Филарет[128];
И ты, друг правды, Долгоруков[129]!
Достойны вечной славы звуков.
Достойны вы! – Но мне ли права
Желать – быть с вами на ряду?
Что обо мне расскажет слава,
Коль я безвестну жизнь веду?
Не спас от гибели я царства,
Царей на трон не возводил,
Не стер терпением коварства,
Богатств моих не приносил
На жертву в подкрепленье трона
И защитить не мог закона.
Увы! Почто ж сему болвану[130]
На свете место занимать,
Дурную, лысу обезьяну
На смех ли детям представлять,
Чтоб видели меня потомки
Под паутиною, в пыли,
Рабы ступали на обломки
Мои, лежащи на земли?
Нет! лучше быть от всех забвенным,
Чем брошенным и ввек презренным.
Разбей же, мой второй создатель,
Разбей мой истукан, Рашет!
Румянцова лица ваятель
Себе мной чести не найдет;
Разбей! – Или постой немного;
Поищем, нет ли дел каких,
По коим бы, хотя нестрога
Судя о качествах моих,
Ты мог ответствовать вселенной
За труд, над мною понесенный.
Поищем! – Нет. Мои безделки
Безумно столько уважать,
Дела обыкновенны мелки,
Чтоб нас заставить обожать;
Хотя б я с пленных снял железы[131],
Закон и правду сохранил,
Отер сиротски, вдовьи слезы,
Невинных оправдатель был;
Орган монарших благ и мира –
Не стоил бы и тут кумира.
Не стоил бы: все знаки чести,
Дозволенны самим себе,
Плоды тщеславия и лести,
Монарх! постыдны и тебе.
Желает хвал, благодаренья
Лишь низкая себе душа,
Живущая из награжденья, –
По смерти слава хороша:
Заслуги в гробе созревают,
Герои в вечности сияют.
Но если дел и не имею,
За что б кумир мне посвятить,
В достоинство вменить я смею,
Что знал достоинства я чтить;
Что мог изобразить фелицу,
Небесну благодать во плоти,
Что пел я россов ту царицу,
Какой другой нам не найти
Ни днесь, ни впредь в пространстве мира, –
Хвались моя, хвались тем, лира!
Хвались! – и образ мой скудельный
В храм славы возноси с собой;

Ты можешь быть столь дерзновенной,
 Коль тихой некогда слезой
 Ты, взор кропя Екатерины,
 Могла приятно ей быть;
 Взносись, и достигай вершины,
 Чтобы на ней меня вместить,
 Завистников моих к досаде,
 В ее прекрасной колоннаде.
 На твердом мраморном помосте,
 На мшистых сводах меж столпов,
 В меди, в величественном росте,
 Под сенью райских вокруг дерев,
 Поставь со славными мужами!
 Я стану с важностью стоять;
 Как от зарей, всяк день лучами
 От светлых царских лиц блистать,
 Не движим вихрями, ни громом,
 Под их божественным покровом.
 Прострется облак благовонный,
 Коврами вокруг меня цветы...
 Постой, пиит, восторга полный!
 Высоко залетел уж ты, –
 В пыли валялись и Омиры.
 Потомство – грозный судия:
 Оно рассматривает лиры,
 Услышит глас и твоя,
 И пальмы взвесит и перуны, [132]
 Кому твои гремели струны.
 Увы! легко случиться может,
 Поставят и тебя льстецом;
 Кого днесь тайно злоба гложет,
 Тот будет завтра въявь врагом;
 Трясут и троны люди злые:
 То, может быть, и твой кумир
 Через решетки золотые
 Слетит и рассмешит весь мир,
 Стуча с крыльца ступень с ступени,
 И скатится в древесны тени.
 Почто ж позора ждать такого?
 Разбей, Рашет, мои черты!
 Разбей! – Нет, нет; еще полслова
 Позволь сказать себе мне ты.
 Пусть тот, кто с бóльшим дарованьем
 Мог добродетель прославлять,
 С усерднейшим, чем я, стараньем
 Желать добра и исполнять,
 Пусть тот, не медля, и решится:
 И мой кумир им сокрушится.
 Я рад отечества блаженству:
 Дай больше, небо, таковых,
 Российской силы к совершенству,
 Сынов ей верных и прямых!
 Определения судьбины
 Тогда исполнятся во всем;
 Доступим мира мы середины,
 С Гангеса [133] злато соберем;
 Гордыню усмирим Китая,
 Как кедр, наш корень утверждая.
 Тогда, каменосечец хитрый!
 Кумиры твоего резца
 Живой струей испустят искры
 И в внучатах возжгут сердца.
 Смотри на образ Марафона, [134]
 Зальется фемистокл слезой, [135]
 Отдаст Арману Петр полтрона, [136]
 Чтоб править научил другой;
 В их урнах фениксы взродятся [137]
 И в след их славы воскрылятся.

А ты, любезная супруга! [138]
Меж тем возьми сей истукан;
Спрячь для себя, родни и друга
Его в серпняный твой диван [139];
И с бюстом там своим, мне милым,
Пред зеркалом их в ряд поставь
Во знак, что с сердцем справедливым
Не скрыт наш всем и виден нрав.
Что слава? – Счастье нам прямое
Жить с нашей совестью в покое.
1794

На смерть Катерины Яковлевны,
1794 году июля 15 дня приключившуюся
Уж не ласточка сладкогласная,
Домовитая со застрехи,
Ах! моя милая, прекрасная
Прочь отлетела, – с ней утечи.
Не сияние луны бледное
Светит из облака в страшной тьме,
Ах! лежит ее тело мертвое,
Как ангел светлый во крепком сне.
Роят псы землю, вокруг завывают,
Воет и ветер, воет и дом;
Мою милую не пробуждают;
Сердце мое сокрушает гром!
О ты, ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной;
Но ты, моя супруга милая,
Не увидишься век уж со мной.
Уж нет моего друга верного,
Уж нет моей доброй жены,
Уж нет товарища бесценного,
Ах, все они с ней погребены.
Все опустело! Как жизнь мне снести?
Зельная меня съела тоска.
Сердца, души половина, прости,
Скрыла тебя гробовá доска.
1794

ласточка [140]
О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху въешься,
В нем смелые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе простряся плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы,
Но видишь там всю ты вселенну,
Как будто с высот на ковре:
Там башню, как жар позлащенну,
В чешуйчатом флот там серебре;
Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленный,

Там мошки толкуются столпом;
Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластиятся струи к брегам.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм,
Но видишь и бури ты черны,
И осени скучной приход;
И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна, –
Но только лишь придет весна
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.
Душа моя! гостя ты мира:
Не ты ли перната сия?
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я, –
Восстану, – и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?
1792; 1794

Призывание и явление Пленеры

Приди ко мне, Пленира,
В блистании луны,
В дыхании зефира,
Во мраке тишины!
Приди в подобьи тени,
В мечте иль легком сне,
И, седши на колени,
Прижмися к сердцу мне;
Движения исчисли,
Вздыхания измерь,
И все мои ты мысли
Проникни и поверь,
Хоть острый серп судьбины
Моих не косит дней,
Но нет уж половины
Во мне души моей.
Я вижу, ты в тумане
Течешь ко мне рекой!
Пленира на диване
Простерлась надо мной,
И легким осязаньем
Уст сладостных твоих,
Как ветерок дыханьем,
В объятиях своих
Меня ты утешаешь
И шепчешь нежно вслух:
«Почто так сокрушаешь
Себя, мой милый друг?
Нельзя смягчить судьбину,
Ты сколько слез ни лей;
Милой[141] половину
Займи души твоей».
1794

Вельможа

Не украшение одежд
Моя днесь муза прославляет,
Которое в очах невежд
Шутов в вельможи наряжает;
Не пышности я песнь пою;
Не истуканы за кристаллом,
В кивотах[142] блещущи металлом,

Услышат похвалу мою.
Хочу достоинства я чтить,
Которые собою сами
Умели титлы заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастье не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждан.
Кумир, поставленный в позор[143],
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор
Прямых красот не ощущает, –
Се образ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благости душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?
Не перлы перские на вас
И не бразильски звезды ясны[144], –
Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны,
Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.
Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.[145]
О! тщетно счастья рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина,
Или в шумиху[146] дурака.
Каких ни вымышляй пружин.
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,
В советах царских сопостатов, –
Всяк думает, что я Чупятов[147]
В мароккских лентах и звездах.
Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле
И не на царском бы престоле
Была великою женой.
И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный, –
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь – коль мой сияет дух;
Владелец – коль страстьми владею;
Болярин – коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.
Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священо,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть – польза, слава, честь.
А ты, второй Сарданапал![148]
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал

Среди игр, среди праздности и неги?
 Чтоб пурпур, злато всюду взор
 В твоих чертогах восхищали,
 Картины в зеркалах дышали,
 Мусия, мрамор и фарфор?
 На то ль тебе пространный свет,
 Простерши раболепны длани,
 На прихотливый твой обед
 Вкуснейших яств приносит дани,
 Токай – густое льет вино,
 Левант[149] – с звездами кофе жирный, –
 Чтоб не хотел за труд всемирный
 Мгновенье бросить ты одно?
 Там воды в просеках текут
 И, с шумом вверх стремясь, сверкают;
 Там розы среди зимы цветут
 И в рощах нимфы воспевают
 На то ль, чтобы на всё взирал
 Ты оком мрачным, равнодушным,
 Среди радостей казался скучным
 И в пресыщении зева?

Орел, по высоте паря,
 Уж солнце зрит в лучах полдневных –
 Но твой чертог едва заря
 Румянит сквозь завес червленых;
 Едва по зыблющим грудям
 С тобой лежащая Цирцеи
 Блистают розы и лилеи,
 Ты с ней покойно спишь, – а там?
 А там израненный герой,
 Как лунь[150] во бранях поседевший,
 Начальник прежде бывший твой,
 В переднюю к тебе пришедший
 Принять по службе твой приказ, –
 Меж челядью твоей златою,
 Поникнув лавровой главою,
 Сидит и ждет тебя уж час!
 А там – вдова стоит в сенях[151]
 И горьки слезы проливает,
 С грудным младенцем на руках,
 Покрова твоего желает.
 За выгоды твои, за честь
 Она лишилася супруга;
 В тебе его знав прежде друга,
 Пришла мольбу свою принести.
 А там – на лестничный восход
 Прибрел на костылях согбенный,
 Бесстрашный, старый воин тот,
 Тремя медальми украшенный,
 Которого в бою рука
 Избавила тебя от смерти, –
 Он хочет руку ту простерти
 Для хлеба от тебя куска.
 А там, – где жирный пес лежит,
 Гордится вратник галунами, –
 Заимодавцев полк стоит,
 К тебе пришедших за долгами.
 Проснися, сибарит! – Ты спишь
 Иль только в сладкой неге дремлешь,
 Несчастных голосу не внемлешь
 И в развращенном сердце мнишь:
 «Мне миг покоя моего
 Приятней, чем в истории веки;
 Жить для себя лишь одного,
 Лишь радостей уметь пить реки,
 Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
 Стыд, совесть – слабых душ тревога!
 Нет добродетели! нет бога!»

Злодей, увы! – И грянул гром!
Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строгу
Наследным перлом жен, детей;
В единомушии – блаженство;
Во правосудии – равенство;
Свободу – во узде страстей!
Блажен народ! – где царь главой,
Вельможи – здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает,
Повелевает же сама.
Сим твердым узлом естества
Коль царство лишь живет счастливым,
Вельможи! – славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться;
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять – и правду говорить.
О русский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!
Когда расслаб весь смертных род,
Какой ты не причастен славы?
Каких в тебе вельможей нет? –
Тот храбрым был средь бранных звуков;
Здесь дал бесстрашный Долгоруков
Монарху грозному ответ. [152]
И в наши вижу времена
Того я славного Камила [153],
Которого труды, война
И старость дух не утомила.
От грома звучных он побед
Сошел в шалаш свой равнодушно,
И от сохи опять послушно
Он в поле Марсовом живет.
Тебе, герой! желаний муж!
Не роскошью вельможа славный;
Кумир сердец, пленитель душ,
Вождь, лавром, маслиной венчанный!
Я праведну здесь песнь воспел.
Ты ею славься, утешайся,
Борись вновь с бурями, мужайся,
Как юный возносись орел.
Пари, – и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струей
И, опочив на лоне мира,
Возвесели еще царя.
Простри твой поздний блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря. [154]
1794

Приглашение к обеду
Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак [155] и борщ уже стоят;
В крафинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вокруг ожидая;

Хозяйка статная, молодая[156]
Готова руку протянуть.
Приди, мой благодетель давний[157],
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди – и дом, хоть не нарядный,
Без резьбы, злата и сребра,
Мой посети; его богатство –
Приятный только вкус, опрятство
И твердый мой, нельстивый нрав;
Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться
Без вредных здравию приправ.
Не чин, не случай[158] и не знатность –
На русский мой простой обед
Я звал одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благодетель!
Приди – и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется
Ничей недоброхотный шаг!
Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю
И знаю то, что век наш тень;
Что лишь младенчество проводим –
Уже ко старости приходим,
И смерть к нам смотрит чрез забор;
Увы! – то как не умудриться
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?
Слышал, слышал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но, ах! – и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот, жалок,
Который вечно на часах!
Итак, доколь еще ненастье
Не помрачает красных дней,
И приголубливает счастье,
И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.
А если ты иль кто другие[159]
Из званных милых мне гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не срядитесь откушать,
Извольте мой вы толк прослушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха;
Но в здравья и спокойстве духа, –
Умеренность есть лучший пир.
1795

Заздравный орел[160]
По северу, по югу
С Москвы орел парит;
Всею земному кругу

Полет его звучит.
О! исполать, ребята,
Вам, русские солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы:
За здравье ваше пьем.
Орел[161] бросает взоры
На льва[162] и на луну[163],
Стокгольмы и Босфоры
Все бьют челом ему.
О! исполать вам, вои,
Бессмертные герои,
Румянцев и Суворов!
За столько славных боев:
Мы в память вашу пьем.
Орел глядит очами
На солнце в высоты;
Герои под шлемами –
На женски красоты.
О! исполать, красотки,
Вам, росски амазонки!
Вы в мужестве почтенны,
Вы в нежности любезны:
Здоровье ваше пьем!
1795

Гостю
Сядь, милый гость! здесь на пуховом
Диване мягком отдохни;
В сем тонком пологу перловом
И в зеркалах вокруг усни;
Вздремли после стола немножко,
Приятно часик похрапеть:
Златой кузнечик, сера мошка
Сюда не могут залететь.
Случится, что из снов прелестных
Приснится здесь тебе какой;
Хоть клад из облаков небесных
Златой посыплется рекой,
Хоть девушки мои домашни
Рукой тебе махнут, – я рад:
Любовные приятны шашни,
И поцелуй в сей жизни – клад.
1795(?)

Павлин
Какое гордое творенье,
Хвост пышно расширяя свой,
Черно-зелены в искрах перья
Со рассыпною бахромой
Позады чешуйной груди кажет,
Как некий круглый, дивный щит?
Лазурно-сизы-бирюзовы
На каждого конце пера,
Тенисты круги, волны новы
Струиста злата и серебра;
Наклонит – изумруды блещут!
Повернет – яхонты горят!
Не то ли славный царь пернатый?
Не то ли райска птица жар,
Которой столь убор богатый
Приводит в удивленье тварь?
Где ступит – радуги играют!
Где станет – там лучи вокруг!
Конечно, сила и паренье
Орлиные в ее крылах,
Глас трубный, лебедино пенье
В ее пресладостных устах;

А пеликана добродетель
В ее и сердце и душе!
Но что за чудное явление?
Я слышу некий странный визг!
Сей феникс опустил вдруг перья,
Увидя гнусность ног своих.
О пышность! как ты ослепляешь!
И барин без ума – павлин.
1795

Памятник[164]
Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.
Так! – весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.
Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,
Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.
О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.
1795

Надгробие шелехову[165]
Колумб здесь русский погребен:
Преплыл моря, открыл страны безвестны;
Но, зря, что всё на свете тлен,
Направил паруса во океан небесный.
Конец 1795 или начало 1796

Храповицкому[166]
Храповицкой! дружбы знаки
Вижу я к себе твои:
Ты ошибки, лесть и враки
Кажешь праведно мои:
Но с тобой не соглашуся
Я лишь в том, что я орел.
А по-твоему коль станет,
Ты мне путы развяжи;
Где свободно гром мой грянет,
Ты мне небо покажи;
Где я в поприще пущуся
И препон бы не имел?
Где чертог найду я правды?
Где увижу солнце в тьме?
Покажи мне те ограды
Хоть близ трона в вышине,
Чтоб где правду допускали
И любили бы ее.
Страха связанным цепями
И рожденным под жезлом,
Можно ль орлими крылами
К солнцу нам парить умом?
А хотя б и возлетали –
Чувствуем ярмо свое.
Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильным угождать,
Их любимцам поклоняться,

Словом, взглядом их ласкать.
Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить.
Извини ж, мой друг, коль лестно
я кого где воспевал;
Днесь скрывать мне тех бесчестно,
Раз кого я похвалял.
За слова – меня пусть гложет,
За дела – сатирик чтит.
1797

На возвращение графа Зубова из Персии[167]

Цель нашей жизни – цель к покою:
Проходим для того сей путь,
Чтобы от мразу иль от зною
Под кровом ночи отдохнуть.
Здесь нам встречаются стремнины,
Там терны, там ручьи в тени;
Там мягкие луга, равнины,
Там пасмурны, там ясны дни;
Сей с холма в пропасть упадает,
А тот взойти спешит на холм.
Кого же разум почитает
Из всех, идущих сим путем,
По самой истине счастливым?
Не тех ли, что, челом к звездам
Превознесая горделивым,
Мечтают быть равны богам;
Что в пурпуре и на престоле
Превыше смертных восседят?
Иль тех, что в хижине, в юдоле,
Смирненно на соломе спят?
Ах нет! – не те и не другие
Любимцы прямо суть небес,
Которых мучат страхи злые,
Прельщают сны приятных грез;
Но тот блажен, кто не боится
Фортуны потерять своей,
За ней на высоту не мчится,
Идет середнею стезей,
И след во всяком состояньи
Цветами усыпает свой.

Кто при конце своих ристаний[168]

Вдали зреть может за собой
Аллею подвигов прекрасных;
Дав совести своей отчет
В минутах светлых и ненастных,
С улыбкою часы те четет,
Как сам благими наслаждался,
Как спас других от бед, от нужд,
Как быть всем добрым торопился,
Раскаянья и вздохов чужд.
О юный вождь! сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как, с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.
Ты зрел – как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеваясь
Там брызгах, тонкий дождь горит;

Как глыба там сизо-янтарна,
Навесясь, смотрит в темный бор;
А там заря злато-багряна
Сквозь лес увеселяет взор.
Ты видел – Каспий, протягаясь,
Как в камышах, в песках лежит,
Лицем веселым осклабясь,
Пловцов ко плаванью манит;
И вдруг как, бурей рассердясь,
Встает в упор ее крылам,
То скачет в твердь, то, в ад стремясь,
Трезубцем бьет по кораблям; [169]
Столбом власы седые вьются,
И глас его гремит в горах.
Ты видел, как во тьме секутся
С громами громы в облаках,
Как бездны пламень извергают,
Как в тучах роет огонь бразды,
Как в воздухе пары сгорают,
Как светят свеч в лесах ряды.
Ты видел, как в степи средь зною
Огромных змей стога кишат,
Как блещут пестрой чешуею
И льют, шипя, друг в друга яд.
Ты дома зрел царей, вселенну –
Внизу, вверху, ты видел всё; [170]
Упадшу спицу, вознесенну,
Вертяще мира колесо. [171]
Ты зрел – и как в Вратах Железных [172]
(О! вспомни ты о сем часе!)
По духу войск, тобой веденных,
По младости твоей, красе,
По быстром персов покореньи
В тебе я Александра чтил [173]!
О! вспомни, как в том восхищеньи,
Пророча, я тебя хвалил:
«Смотри, – я рек, – триумф минуту,
А добродетель век живет».
Сбылось! – Игру днесь счастья люту, [174]
И как оно к тебе хребет
Свой с грозным смехом повернуло,
Ты видишь, – видишь, как мечты
Сиянье вокруг тебя заснуло,
Прошло, – остался только ты.
Остался ты! – и та прекрасна
Душа почтенна будет ввек,
С которой ты внимал несчастна
И был в вельможе человек,
Который с сердцем откровенным
Своих и чуждых принимал,
Старейших вокруг себя надменным
Воззрением не огорчал.
Ты был что есть, – и не страшися
Объятия друзей своих.
Приди ты к ним! Иль уклонися
Познать премудрость царств иных.
Учиться никогда не поздно,
Исправь поступки юных лет; [175]
То сердце прямо благородно,
Что ищет над собой побед.
Смотри, как в ясный день, как в буре
Суворов тверд, велик всегда!
Ступай за ним! – небес в лазуре
Еще горит его звезда.
Кто был на тысяще сраженьях
Не победим, а победил,
Нет нужды в блесках, украшеньях
Тому, кто царство покорил!

Умей лишь сделаться известным
По добродетелям своим,
И не тужи по снам прелестным,
Мечтавшимся очам твоим:
Они прошли и возвратятся;
Пройти вновь могут – и прийти.
Как страннику в пути встречаться
Со многим должно, и идти,
И на горах и под горами,
Роскошничать и глад терпеть, –
Бывает так со всеми нами,
Премены рока долг наш зреть.
Но кто был мужествен душою,
Шел равнодушной сим путем,
Тот ближе был к тому покою[176],
К которому мы все идем.
1797

Рождение красоты
Сотворя Зевес вселенну,
Звал богов всех на обед.
Вкруг нектара чашу пенну
Разносил им Ганимед;
Мед, амброзия блистала
В их устах, по лицам огонь,
Благовоний мгла летала,
И Олимп был света полн;
Раздавались песен хоры,
И звучал весельем пир;
Но незапно как-то взоры
Опустил Зевес на мир
И, увидя царства, грады,
Что погибли от боев,
Что богини мещут взгляды
На беднейших пастухов,
Распалился столько гневом,
Что, курчавой головой
Покачав, шатнул всем небом,
Адом, морем и землей.
Вмиг сокрылся блеск лазуря:
Тьма с бровей, огонь с очес,
Вихорь с риз его, и буря
Восшумела от небес;
Разразились всюду громы,
Мрак во пламени горел,
Яры волны – будто холмы,
Понт стремился и ревел;
В растворенны бездн утробы
Тартар искры извергал;
В тучи Феб, как в черны гробы,
Погруженный трепетал;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянул гром, –
Мир, Олимп, богов чертоги
Повернулись бы вверх дном.
Но Зевес вдруг умилился,
Стало, знать, красавиц жаль;
А как с ними не смирился,
Новую тотчас создал:
Ввил в власы пески златые,
Пламя – в щеки и уста,
Небо – в очи голубые,
Пену – в грудь, – и Красота
Вмиг из волн морских родилась.
А взглянула лишь она,
Тотчас буря укротилась
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,

Облелея табуном,
На свои ее взяв спины,
Мчали по пучине волн.
Белы голуби станицей,
Где откуда ни взялись,
Под жемчужной колесницей
С ней на воздух поднялись;
И, летя под облаками,
Вознесли на звездный холм;
Зевс объял ее лучами
С улыбнувшимся лицом.
Боги молча удивлялись,
На красу разинув рот,
И согласно в том признались:
Мир и брани – от красот.
1797

Соловей во сне
Я на холме спал высоком,
Слышал глас твой, соловей,
Даже в самом сне глубоком
Внятен был душе моей:
То звучал, то отдавался,
То стонал, то усмеялся
В слухе издалече он;
И в объятиях Калисты
Песни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкий сон.
Если по моей кончине,
В скучном, бесконечном сне,
Ах! не будут так, как ныне,
Эти песни слышны мне;
И веселья, и забавы,
Плясок, ликов, звуков славы
Не услышу больше я, –
Стану ж жизнью наслаждаться,
Чаще с милой целоваться,
Слушать песни соловья.
1797

О удовольствии[177]
Прочь буйна чернь, непросвещенна
И презираемая мной!
Простришь вокруг тишина священна!
Пленил меня восторг святой!
Высоку песнь и дерзновенну,
Неслыханну и не внушенну,
Я слабым смертным днесь пою:
Всяк преклони главу свою.
Сидят на тронах возвышенны
Над всей вселенною цари,
Ужасной стражей окруженны,
Подъемля скиптры, судят при.
Но бог есть вышний и над ними;
Блистая молньями своими,
Он сверг Гигантов с горних мест
И перстом водит хоры звезд.
Пусть занял юными древами
Тот область целую под сад;
Тот горд породю, чинами;
Пред тем полки рабов стоят;
А сей звучит трубой военной.
Но в урне рока неизмерной
Кто мал и кто велик забвен:
Своим всяк жребьем наделен.
Когда меч острый, обнаженный,
Злодея над головой висит,
Обилием отягощенный

Его стол вкусный не прельстит;
Ни нежной цитры глас звенящий,
Ни птиц весенних хор гремящий
Уж чувств его не усладят
И крепка сна не возвратят.
Сон сладостный не презирает
Ни хижин бедных поселян,
Ниже дубрав не убегает,
Ни низменных, ни тихих стран,
На коих по колосьям нивы
Под тенью облаков игривый
Перебирается зефир,
Где царствует покой и мир.
Тот хочет только, что лишь нужно,
Тот не заботится никак,
Что море взволновалось бурно;
Что, огненный вращая зрак,
Медведица нисходит в бездны;
Что лев [178], на свод несяся звездный,
От гривы сыплет вокруг лучи;
Что блещет молния в ночи.
Не беспокоится, что градом
На холмах виноград побит;
Что проливных дождей упадом
Надежда, цвет полей, не льстит;
Что жрет и мраз и зной жестокий
Поля, леса; а там в глубоки
Моря отломки гор валят
И рыб в жилищах их теснят.
Здесь тонут зиждущих плотину
Работников и зодчих тьма,
Затем, что стали властелину
На суше скучны терема, –
Но и средь волн в чертоги входит
Страх; грусть и там вельмож находит;
Рой сук за кораблем жужжит
И вслед за всадником летит.
Когда ни мраморы прекрасны
Не утоляют скорби мне,
Ни пурпур, что, как облак ясный,
На светлой блещет вышине;
Ни грозды, соком наполненны,
Ни вина, вкусом драгоценны,
Ни благовонья аромат
Минуты жизни не продлят. –
Почто ж великолепьем пышным,
Удобным зависть возродить,
По новым чертежам отличным
Огромны зданья созидать?
Почто спокойну жизнь, свободну,
Мне всем приятну, всем довольну,
И сельский домик мой – желать
На светлый блеск двора менять?
1798

К самому себе
Что мне, что мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если мир за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие работают,
Много мудрых есть господ:
И себя не забывают,
И царям сулят доход.
Но я тем коль бесполезен,
Что горяч и в правде чёрт, –
Музам, женщинам любезен
Может пылкий быть Эрот.

Стану ныне с ним водиться,
Сладко есть и пить и спать;
Лучше, лучше мне лениться,
Чем злодеев наживать.
Полно быть в делах горячим,
Буду лишь у правды гость;
Тонким сделаюсь подьячим,
Растворю пошире горсть.
Утром раза три в неделю
С милой музой порезвлюсь;
Там опять пойду в постелю
И с женою обоймусь.
1798

Параше[179]
Белокурая Параша,
Сребро-розова лицом,
Коей мало в свете краше
Взором, сердцем и умом!
Ты, которой повторяет
Звучну арфу нежный глас,
Как Палаша ударяет
В струны, утешая нас.
Встань, пойдем на луг широкой,
Мягкий, скатистый, к прудам;
Там под сенью древ далекой
Сядем, взглянем по струям:
Как, скользя по ним, сверкает
Луч от царских теремов,[180]
Звезды, солнцы рассыпает
По теням между кустов.
Как за серебряной плотицей
Линь золотой по дну бежит;
За прекрасною девицей,
За тобой, Амур летит.
1798

Стрелок
Я охотник был измлада
За дичиною гулять:
Меду сладкого не надо,
Лишь бы в поле пострелять.
На лету я птиц пернатых,
Где завидел, тут стрелял;
В нехохлатых и хохлатых,
Лишь прицелил, попадал.
Но вечер вдруг повстречалась
Лебедь белая со мной,
Вмиг крылами размахалась
И пошла ко мне на бой.
Хвать в колчан, ан стрел уж нету,
Лук опущен; стал я в пень.
Ах! беречь было монету
Белую на черный день.
1799

Русские девушки
Зрел ли ты, певец Тииский[181]!
Как в лугу весной бычка[182]
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими

Груди нежные дышат?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколией взгляд,
Их усмешка – души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.
1799

Снигирь [183]
Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену [184]?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.
Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян всё побеждать?
Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом,
Скиптры давая [185], зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?
Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсяду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! – что воевать?
1800

Тончию [186]
Бессмертный Тончи! ты мое
Лице в том, слышу, пишешь виде,
В каком бы мастерство твое
В Омيره древнем, Аристиде,
Сократе и Катоне ввек
Потомков поздних удивляло;
В сединах лысиной сияло,
И в нем бы зрелся человек.
Но лысина или парик,
Но тога иль мундир кургузый
Соделали, что ты велик?
Нет! философия и музы, –
Они нас славными творят.
О! если б осенял дух правый
И освещал меня луч славы, –
Пристал бы всякий мне наряд.
Так, живописец-философ!
Пиши меня в уборах чудных,
Как знаешь ты; но лишь любовь
Увековечь ко мне премудрых.
А если слабости самим
И величайшим людям сродны,
Не позабудь во мне подобны,
Чтоб зависть улыбалась им.
Иль нет, ты лучше напиши

Меня в натуре самой грубой:
В жестокий мраз с огнем души,
В косматой шапке, скутав шубой;
Чтоб шел, природой лишь водим,
Против погод, волн, гор кремнистых,
В знак, что рожден в странах я льдистых,
Что был прапращур мой Багрим. [187]
Не испугай жены, друзей,
Придай мне нежности немного:
Чтоб был я ласков для детей,
Лишь в должности б судил всех строго;
Чтоб жар кипел в моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мне вздыхали
Хоть в платонической любви.
1801

Шуточное желание
Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках, –
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девочкам
На моих сидеть ветвях.
Пусть сидели бы и пели,
Вили гнезды и свистели,
Выводили и птенцов;
Никогда б я не сгибался, –
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.
1802

Свобода [188]
Теплой осени дыханье,
Помавание дубов,
Тихое листов шептанье,
Восклицанье голосов
Мне, лежащему в долине,
Наводили сладкий сон.
Видел я себя стоящим
На высоком вдруг холму, [189]
На плоды вдали глядящим,
На шумящу близ волну;
И как будто в важном чине
Я носил на плечах холм.
Дальше: власти мне святые
Иго то велели несть,
Все венцы суля земные,
Титла, золото и честь.
«Нет! – восстав от сна глубока,
Я сказал им, – не хочу.
Не хочу моей свободы,
Совесть на мечты менять:
Гладки воды, коль погоды
Их не могут колебать. [190]
Власть тогда моя высока,
Коль я власти не ищу».
1803

Зима
Поэт
Что ты, Муза, так печальна,
Пригорюнившись сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Склуча волосы, глядишь;
Цитры, флейты и скрипицы
В белы руки не берешь;
Ни божественной фелицы,

Ни Пленеры не поешь?

Муза

Что мне петь? – Ах! где хариты[191]?

И друзей моих уж нет!

Львов, Хемницер в гробе скрыты,

За Днепром Капнист живет.

Вельяминов[192], лир любитель,

Богатырь, певец в кругу,

Беззаботный света житель,

Согнут скорбями в дугу.

Поэт

Да! Фелицы нет, Пленеры,

Нет харит и нет друзей:

Звук торжественная лиры

Посвятишь кому твоей?

Посвятишь ли в честь ты Хлору[193],

Иль Добраде[194] в славе ты?

Труб у них не слышно хору,

Дни их тихи, как листья.

Муза

Тот сидит всегда за делом,

Та покоит вдов, сирот;

В покрывале скромном, белом

Так Зима готовит плод.

Не видать ее работы,

Не слышать ее машин;

Но по скуке – зрятся льготы,

И земля цветет, как крин.

Поэт

Между тем к нам, Вельяминов,

Ты приди хотя согбен,

Огонь разложим средь каминов,

Милых сердцу соберем;

И под арфой тихогласной,

Наливая алый сок[195],

Воспоем наш хлад прекрасный:

дай Зиме здоровье, бог[196]!

Зима 1803–1804

Лебедь

Необычайным я пареньем

От тленна мира отделяюсь,

С душой бессмертною и пеньем,

Как лебедь, в воздух поднимусь.

В двояком образе нетленный,

Не задержусь в вратах мытарств;

Над завистью превознесенный,

Оставлю под собой блеск царств.

Да, так! Хоть родом я не славен,

Но, будучи любимец муз,

Другим вельможам я не равен

И самой смертью предпочтусь.

Не заключит меня гробница,

Средь звезд не превращусь я в прах;

Но, будто некая цевница,

С небес раздамся в голосах.

И се уж кожа, зрю, перната

Вкруг стан обтягивает мой;

Пух на груди, спина крылата,

Лебязьей лоснюсь белизной.

Лечу, парю – и под собою

Моря, леса, мир вижу весь;

Как холм, он высится главою,

чтобы услышать богу песнь.

С Курильских островов до Буга,

От Белых до Каспийских вод,

Народы, света с полукруга,

Составившие россос род,

Со временем о мне узнают:
Славяне, гунны, скифы, чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом – и рекут:
«Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».
Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор муз, не пой!
Супруга! облекись терпеньем!
Над мнимым мертвецом не вой.
1804

Цыганская пляска
Возьми, египтянка[197], гитару,
Ударь по струнам, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всех пляской восхищай.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.
Неистово, роскошно чувство,
Нерв трепет, мление любви,
Волшебное зараз искусство
Вакханок древних оживи.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.
Как ночь – с ланит сверкай зарями,
Как вихорь – прах плащом сметай,
Как птица – подлетаи крылами
И в длани с визгом ударяи.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.
Под лесом нощию сосновым,
При блеске бледных луны,
Топоча по доскам гробовым,
Буди сон мертвой тишины.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.
Да вопль твой, эвоа! ужасный,
Вдали мешаясь с воем псов,
Лиет повсюду гулы страшны,
А сластолюбю – любовь.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.
Нет, стой, прелестница! довольно,
Муз скромных больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Как русска дева, пропляши.
Жги души, огонь бросай в сердца
И в нежного певца[198].
1805

Радуга[199]
Взглянь, Апеллес! взглянь в небеса!
В сумрачном облаке там,
Видишь, какая из лент полоса,
Огненна ткань блещет очам,
Склонясь над твоею главою
Дугою!
Пурпур, лазурь, злато, багрянец,
С зеленью тень, слиясь с серебром,
Чудный, отливный, блещущий глянец
Сыплют вокруг, тихим лучом
Зениц к утешенью сияют,
Пленяют!
Где красота, блеск разноцветных
Камней драгих, светлость порфир,

Прелести красок ярких, несметных,
Чем всегда славится мир,
Чем могут монархи хвалиться,
Светиться?

О Апеллес! взявши орудье,
Кисти свои, дерзкой рукой
С разных цветов вмиг полукружье
Сделай, составь твердой чертой, –
Составь – и сзови зреть Афины
Картины.

Нет, изограф[200]! – хоть превосходишь
Всех мастерством дивным твоим,
Вижу, что средств ты не находишь
С мастером в том спорить таким,
Чей взгляд всё один образует,
Рисует.

Только одно солнце лучами
В каплях дождя, в дол отразясь,
Может писать сими цветами,
В мраке и мгле вечно светясь.
Умей подражать ты ему,
Лей свет в тьму.

Зри, как оно лишь отвращает
Светлый свой взор с облака вспять,
Живость цветов вмиг исчезает,
Краски картин тмятся опять:
Беги ты такого труда
От стыда.

Может ли кто в свете небесном
Чтиться равно солнцу тому,
В сердце моем мрачном, телесном
Что, озарив тяжкую тьму,
Творит его радугой мира?
Пой, лира!

Бога воспой, смелым паренем
Чистого внутрь сердца возноси
Дух мой к нему утренним пенем,
Чтобы творец, вняв с небеси,
Влиял чувств моих в глубину
Тишину.

Светлая чтоб радуга мира,
В небе явясь в цвете зарей,
Стала в залог тихих дней мира,
К счастью всех царств и царей.
Он всех их один просветит,
Примирит.

1806

Евгению. Жизнь Званская[201]

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на волюну ехать страсть[202],
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен под власть
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?

Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен – дней в останке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;

Мой утреннюет дух правителю вселенной;

Благодарю, что вновь чудес, красот позор

Открыл мне в жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши в ней,

Чтоб черная змия[203] мне сердце угрызала,

О! коль доволен я, оставил что людей

Стихотворения. Гаврила Романович Державин derzhavingabriel.ru
и честолюбия избег от жала! [204]
Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.
Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как выют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом, луги.
Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, [205] в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жолн [206] и коней ржанье.
На кровле ж зазвенит как ласточка, и пар
Повеет с дома мне манжурской иль левантской, [207]
Иду за круглый стол: и тут-то раздобар
О снах, молве градской, крестьянской;
О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамах по стенам золотых блистают лица
Для вспоминанья их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы,
В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в Вестнике [208], в газетах иль журналах,
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!
В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфеток, скатертей,
Ковров, и кружев, и вязани. [209]
Где с скотен, пчельников, и с птичников, прудов
То в масле, то в сотах зрю золото под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещущее лещами.
В которой, обзрев больных в больнице, врач [210]
Приходит доносить о их вреде, здоровье,
Прося на пищу им: тем с поливкой калач,
А тем лекарствица, в подспорье.
Где также иногда по палкам, по костям
Усатый староста иль скопидом брюхатый
Дают отчет казне, и хлебу, и вещам,
С улыбкой часто плутоватой.
И где, случается, художники млады
Работы кажут их на древе, на холстине
И получают в дар подачи за труды,
А в час и денег по полтине.
И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
В задоре иногда, в игры зело горячи,
Играем в карты мы, в ерошки, в фараон,
По грошу в долг и без отдачи.
Оттуда прихожу в святилище я муз,
И с флакком [211], Пиндаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим иль к небу возношусь
Иль славлю сельску жизнь на лире.
Иль в зеркало времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе и драки человеков.
Все суета сует! – я, воздыхая, мню,
Но, бросив взор на блеск светила полудневна, –
О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю?
Творцом содержится вселенна.
Да будет на земли и в небесах его
Единого во всем вседействующа воля!
Он видит глубину всю сердца моего,
И строится моя им доля.
Дворовых между тем, крестьянских рой детей
Сбираются ко мне не для какой науки,
А взять по несколько баранок, кренделей,

Стихотворения. Гаврила Романович Державин derzhavingabriel.ru

Чтобы во мне не зрели буки.[212]
Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать, – хоть мыслей нет больших,
Блестят и жучки в епанечках.[213]
Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол – и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.
Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь – икра, и с голубым пером
Там щука пестрая – прекрасны!
Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опрятно все и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здоровый.
Когда же мы донских и крымских кубки вин,
И липца, воронка[214] и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин, –
Беседа за сладьми шутлива.
Но молча вдруг встаем: бьет, искрами горя,
Древ русских сладкий сок[215] до подвенечных бревен;
За здравье с громом пьем[216] любезного царя,
Цариц, царевичей, царевен.
Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток
И тешусь разными играми.
Иль из кристальных вод, купален, между древ,
От солнца, от людей под скромным осененьем,
Там внемлю юношей, а здесь плесканье дев,
С душевным неким восхищеньем.
Иль в стекла оптики[217] картинные места
Смотрю моих усадеб; на свитках грады, царства,
Моря, леса, – лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства.
Иль в мрачном фонаре любуюсь,[218] звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнцы в воздухе, я мню, текут горя,
Премудрости ко прославленью.
Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет
И, движа машину, древа на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов[219] на воздух бьет,
Клокоча огонь, толчет и мелет.
Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу, льются
В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Мариной рукой прядутся.[220]
Иль как на лен, на шелк цвет, пестрота и лоск,
Все прелести, красы берутся с поль царницы;[221]
Сталь жесткая, глядим, как мягкий, алый воск,
Куется в бердыши милицы[222].
И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском убранстве,
«За веру, за царя мы, – говорят, – помрем,
Чем у французов быть в подданстве».
Иль в лодке вдоль реки, по берегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.
Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами,
Серпами злато нив, – и, ароматов полн,
Порхает ветер меж нимф рядами.
Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По копнам, по снопам, коврам желто-зеленым
И сходит солнышко на нижнюю степен

К холмам и рощам сине-темным.
Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огонь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.
Забавно! в тьме челнов с сетью как рыбаки,
Ленивым строим плав, страшат тварь влаги стуком[223];
Как парусы суда и лямкой бурлаки
Влекут одним под песню духом.
Прекрасно! тихие, отлогие берега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
Стоят над током струй безмолвны.
Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо за лесом под мглой гамит народа,
Жнецов поющих, жниц полк идет с полосы,
Когда мы едем из похода.
Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождем,
Звучит музыка духовая.
Из жерл чугунных гром[224] по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.
Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутри дома тешимся столиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детям
Блистать: музыкой, пляской, пеньем.
Амурчиков, харит плетень, иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры,
Цветочные венки пастух пастушке вьет,
А мы на них и пялим взоры.
Там с арфы звучныя порывный в души гром,
Здесь тихогрома[225] с струн смягченны, плавны тоны
Бегут, – и в естестве согласия во всем
Дают нам чувствовать законы.
Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гусях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношусь в мечтах умильных;
Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтанья:
Проходят годы, дни, рев морь, и бурей шум,
И всех зефиров повеванья.
Ах! где ж, ищу я вокруг, минувший красный день?
Победы слава где, лучи Екатерины?
Где Павловы дела? – Сокрылось солнце, – тень!..
Кто весть и впрямь полет орлиный?
Вид лета красного нам Александров век;
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;
Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
Но мечет днесь и он перуны. [226]
Умолкнут ли они? – Сие лишь знает тот,
Который к одному концу все правит сферы;
Он перстом их своим, как строй какой ведет,
Ко благу общему склоняя меры.
Он корни помыслов, он зрит полет всех мечт
И поглумляется безумству человеков:
Тех освещает мрак, тех помрачает свет
И днешних и грядущих веков.
Грудь россов утвердил, как стену, он в отпор
Темиру новому под Пультуском, Прейсш-лау; [227]
Младых вождей расцвел победами там взор
И скрыл орла седого славу. [228]
Так самых светлых звезд блеск меркнет от ночей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах спашнет моих костей

Сатурн крылами с тленна мира.
Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не вспомнянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.
Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдешь на холм тот страшный,
Который тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва гроб кроет мрачный, [229]
От коего, как гром катается над ним,
С булатных ржавых врат и сбруи медной гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим,
В лесах трясясь, звучат стрел тулы.
Так, разве ты, отец! святым своим жезлом
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вокруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь – бледну зависть – в бездны.
Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на понижение счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Чрез Клии воскресишь согласи.
Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзывы
От лиры моя шумящею рекой
Неслись чрез холмы, доли, нивы.
Ты слышал их, – и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ Севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, вдали как тихий гром:
«Здесь бога жил певец, – фелицы».
1807

Признание

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человецье
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел,
Не собой блистал я – богом;
Вне себя я бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моя царям, –
Добродетельми казались
Мне они равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождям, –
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть вслух, –
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.
Если ж я и суетою
Сам был света обольщен, –
Признаюся, красотою
Быв плененным, пел и жен.
Словом: жег любви коль пламень,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.
1807

«Река времен в своем стремленьи...» [230]
Река времен в своем стремленьи

Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.
6 июля 1816

ПРИМЕЧАНИЯ

Гаврила Романович Державин (1743–1816) родился в бедной дворянской семье. Отец, армейский офицер, умер, когда Державину было десять лет. Мать осталась с тремя сиротами на руках. Учился вначале грамоте – у дьячка, арифметике – у отставного солдата, немецкому языку – у ссыльного немца. С 1759 до 1702 года обучается в Казанской гимназии, где обнаружил большие способности к рисованию. Гимназии не закончил, так как в 1702 году был вызван на военную службу в Петербург. Служил в Преображенском гвардейском полку простым солдатом. Здесь в казарме начал писать стихи. Участвовал в дворцовом перевороте 1762 года, после которого на престол взошла Екатерина II. Позже, будучи офицером, принял участие в подавлении Пугачевского восстания. С 1777 до 1783 года служит экзекутором в Сенате.

В 70-е годы стихотворения Державина начинают появляться в печати, но остаются почти никем не замеченными. В эти же годы Державин входит в дружеский литературный кружок, участниками которого были Н. А. Львов, В. В. Капнист, и И. Хемницер. В 1783 году была напечатана его ода «Фелица», имевшая большой успех. Ода понравилась императрице, и Державин был назначен губернатором в Олонецкую губернию. Здесь он развивает кипучую деятельность, смело борется с неправдой и лихоимством, что вызвало недовольство наместника края. Державин был вынужден подать в отставку. Та же история повторяется во время губернаторства в Тамбове (1786–1788 гг.) и даже при дворе, где, будучи кабинет-секретарем, Державин продолжал отстаивать правое дело с тем же благородным пылом. Будучи отстранен от должности кабинет-секретаря, переходит на службу в Сенат.

В царствование Александра I назначен на пост министра юстиции и снова был отстранен от этой должности самим царем за то, что «очень ревностно» служит.

В последние годы живет на покое в Петербурге или в имении Званка. С 1811 года в его петербургском особняке происходили заседания общества «Беседа любителей русского слова», защищавшего традиции классицизма. Это не мешало Державину оценить по достоинству произведения Жуковского и молодого Пушкина.

В 1804 году отдельной книжкой вышли «Анакреонтические песни» Державина, а в 1808 году четыре тома его сочинений. В 1811–1812 годах создаются автобиографические «Записки». Умер Державин в своем имении, в Званке.

В 1809–1810 годах Державин диктовал своим близким комментарии к написанным им стихотворениям. В рукописи эти примечания носили название «Объяснения на сочинения Державина». Эти «Объяснения» напечатаны в третьем томе «Сочинений Державина» (СПб. 1864–1883), изданных под редакцией Я. Грота. (Ниже при ссылках на «Объяснения на сочинения Державина» – сокращено: «Об. Д.» – указаны страницы вышеуказанного издания.)

Сочинения Г. Р. Державина печатаются по тексту книги: Г. Р. Державин, Стихотворения (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», л. 1957.

Примечания

1

Куликать – пить, бражничать.

2

Клоб – клуб.

3

...вист, да банк, да макао – карточные игры XVIII века.

4

На смерть князя Мещерского. – Написано в связи с внезапной смертью князя А. И. Мещерского (ум. в 1779 г.) – петербургского богача, хлебосола, хорошего знакомого Державина.

5

Глагол времен – язык времени; бой часов, символизирующий течение времени.

6

Надгробные... клики – погребальный хор. (В издании вместо «клики» ошибочно отпечатано «лики» – прим. верстальщика).

7

На рождение в Севере порфиородного отрока. – Написано по случаю рождения великого князя Александра, будущего Александра I.

8

...солнце красно // Обратилося к весне... – Александр родился 12 декабря по старому стилю, когда начинает увеличиваться день.

9

...с их... матерью... – с Екатериной II.

10

К первому соседу. – Стихотворение адресовано М. С. Голикову (ум. в 1788 г.), богачу откупщику, жившему в Петербурге по соседству с Державиным на Сенной площади.

11

Из глин китайских – из фарфора.

12

Алиатико – итальянское вино.

13

С младой... нимфой... – Имеется в виду любовница Голикова, итальянская певица.

14

Твоя уж Пенелопа в скуке // Ковер не будет распускать... – «К Голикову же сие сравнение относится потому, что он был сибирский житель и, поехав в Петербург для снятия откупа, оставил там жену, обнадеживая ее, что скоро возвратится» (Об. Д., стр. 632). (Об. Д., стр... – здесь и далее ссылки на «Объяснения на сочинения Державина». – прим. верстальщика.)

15

Властителем и судиям. – Переложение 81 псалма (Библия). Стихотворение вызвало недовольство Екатерины II, которая увидела в нем «якобинские» настроения. Оно дважды было изъято цензурой из сборников, подготовленных к печати.

16

Страстны – одержимы страстями.

17

Разные вина. – В первом издании к названию стихотворения было добавлено: «Или пирушка молодых холостых людей. 1782 г.».

18

Черно-тинтово вино – красное испанское вино (vino tinto).

19

Слезы ангельски вино – неточное название итальянского вина «Lacrimae Christi».

20

Фелица. – Имя Фелица взято Державиным из «Сказки о царевиче Хлоре», написанной Екатериной II. В оде под этим именем подразумевается сама императрица. Вся первая строфа излагает сюжет екатерининской сказки.

21

Мурзам твоим не подражая... – Слово «мурза» употребляется в оде «Фелица» в двойном смысле. Мурзой называет себя сам Державин, намекая на свое происхождение от татарского мурзы Багрима. Но этим же словом названы и вельможи Екатерины II, многим из которых были присущи и «восточная» лень, и «восточный» деспотизм.

22

...пред налоем. – Налой – высокий столик с покатою крышкой для богослужебных книг. Здесь: конторка, столик.

23

К духам в собранье не въезжаешь – не посещаешь масонских лож.

24

А я, проспавши до полудни... и далее. – «Относится к прихотливому нраву князя Потемкина... который то собирался на войну, то упряжился в нарядах, в пирах и всякого рода роскошах» (Об. Д., стр. 598).

25

Лечу на резвом бегуне... и далее. – «Относится к... гр. Ал. Гр. Орлову, который был охотник до скачки лошадиной... до всякого молодечества русского, как и до песен русских» (Об. Д., стр. 598).

26

И забавляюсь лаем псов... – «Относится к Петру Ивановичу Панину, который любил псовую охоту» (Об. Д., стр. 598).

27

Я тешусь по ночам рогами // и греблей удалых гребцов. – «Относится к Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда егермейстером, который первый завел роговую музыку» (Об. Д., стр. 598).

28

Полкана и Бову читаю; // За Библией, зевая, сплю. – «Относится до кн. Вяземского, любившего читать романы... – Полкана и Бову и известные старинные русские повести» (Об. Д., стр. 599).

29

Между лентяем и брюзгой... – Лентяй и Брюзга – персонажи из «Сказки о царевиче Хлоре» Екатерины II.

30

Деся Хаос на сферы стройно... – намек на учреждение губерний (1775 г.).

31

Что откреклась и мудрой слыть. – Екатерина лицемерно откреклась от титула «Премудрой» и «Великой», предложенных ей в 1767 году Сенатом.

32

И быль и небыль говорить... – В Наказе депутатам Екатерина писала, что нельзя никого судить и наказывать за слова.

33

Там можно пошептать в беседах... и вся следующая строфа – намеки на правительственный произвол в царствование Анны Иоанновны.

34

Тамерлан – Тимур (1336–1405), среднеазиатский эмир, полководец и завоеватель, известный своей жестокостью.

35

...брани усмирил... – Намек на окончание русско-турецкой войны 1768–1774 годов.

36

Который даровал свободу... и далее. – Державин говорит о льготах, предоставленных Екатериной II дворянству: право на выезд за границу, право добывать для себя драгоценные металлы, свободное плавание с торговыми целями по морям и рекам, порубка леса в своих имениях, право заводить у себя мануфактуры.

37

Видение Мурзы. – Стихотворение содержит в себе резкие возражения Державина против обвинений его в лести Екатерине II в оде «Фелица».

38

Бельт – Балтийское море.

39

Пленира. – Так Державин называет свою первую жену – Екатерину Яковлевну, урожденную Бастидон (1760–1794).

40

Улус – селение кочующих народов (Об. Д., стр. 604).

41

Досканец – небольшой деревянный ящик. Намек на подарок императрицы, которая прислала автору «Фелицы» табакерку с пятьюстами червонцев.

42

Сошла – и жрицей очутилась... – «Подлинный список с портрета... императрицы, писанного г. Левицким» (Об. Д., стр. 604).

43

Из черно-огненна виссона... и далее. – «Описание Владимирского ордена который императрица... на себя наложила» (Об. Д., стр. 604). Виссон – драгоценная белая или пурпурная ткань, употреблявшаяся в древнем Риме.

44

Стихотворения. Гаврила Романович Державин derzhavingabriel.ru
Орел полунощный, огромный... и далее. – Аллегорическое изображение Русского государства.

45

Кадий – судья (арабск.).

46

Факир – мусульманский странствующий монах (арабск.).

47

И словом: тот хотел арбуза, // А тот соленых огурцов... – «Сие относится на прихотливый нрав кн. Потемкина, который тогда только и был доволен, когда чего дожидался, а как скоро получал, то опять находился в скуке: он нередко посылывал нарочных курьеров по империи, как-то в Москву и другие города за арбузами, за солеными огурцами и проч., и проч.» (Об. Д., стр. 605).

48

Без лиц в трех лицах божества! – «Автор, кроме богословского... понятия, разумел тут... бесконечное пространство, непрерывную жизнь в движении вещества и нескончаемое течение времени» (Об. Д., стр. 593).

49

Тебя душа моя быть чает... – моя душа хочет, чтобы ты был.

50

Осень во время осады Очакова. – Написано во время осады русскими войсками, возглавлявшимися Г. А. Потемкиным, турецкой крепости Очаков. Ода была послана княгине В. В. Голицыной, муж которой С. Ф. Голицын (1748–1810) участвовал в сражениях под Очаковым.

51

Колпик – птица с белым опереньем.

52

И выжлиц лай... – Выжлец – гончий кобель.

53

Над древним царством Митридата... – над Крымом. Митридат (132–63 гг. до н. э.) – понтийский царь, которому принадлежали земли на северном и восточном побережье Черного моря.

54

Летает и темнит луну... – помрачает славу Турции.

55

Эвксин – Черное море.

56

Хотя вы в Стикс не погружались... – Фетида, мать Ахиллеса, чтобы сделать сына неуязвимым, искупала его в реке Стиксе (греч. миф.).

57

Ее ты дяди и отца... – то есть Потемкина, который был дядей жены Голицына и отечески ее любил.

58

Философы, пьяный и трезвый. – В стихотворении противопоставлены «образ мыслей Аристиппа и Аристида» (Об. Д., стр. 719). Аристипп (род. ок. 435 до н. э.) – греческий философ, проповедовал разумное, умеренное наслаждение как цель жизни. Аристид (ок. 540 – ок. 467 г. до н. э.) – афинский полководец, государственный деятель. За гражданское мужество был назван Справедливым.

59

На взятие Измаила. – Эпиграф взят из «Оды императрице Екатерине Алексеевне на ея восшествие на престол июля 28 дня 1762 года» Ломоносова (строфа 22-я).

Измаил – турецкая крепость на берегу Дуная; была взята русскими войсками во главе с А. В. Суворовым 11 декабря 1790 года.

60

...вождя веленьем... – Имеется в виду Г. А. Потемкин.

61

Драконы медны – пушки.

62

Из трех сот жерл огнем дышали... – «Тремястами пушками измаильская крепость была обороняема» (Об. Д., стр. 609).

63

Всяк Курций, Деций, Буароз! – «Первый – всадник римский, бросившийся в разверстую бездну, чтоб утишить в Риме моровое поветрие, второй – полководец римский, бросившийся в первые ряды, чтоб одержать победу над неприятелем; третий – капитан французский, взлес во время бури на скалу вышиною в 80 сажень по веревочной лестнице и взял крепость» (Об. Д., стр. 610).

64

Мармора – Мраморное море; здесь подразумевается Турция, часть владений которой находилась на берегах Мраморного моря.

65

Тир – финикийский город, взятый в 333 году до н. э. Александром Македонским.

66

Горой он море запрудил... – «Александр Великий, отправившийся для покорения Персии, когда не мог взять на пути лежащего города Тира, то чтоб ближе подвести стенобитные машины или тараны, запрудил он Тирский залив и взял город приступом» (Об. Д., стр. 610).

67

...три века держит сон... – Имеется в виду трехсотлетнее татарское иго.

68

Лжецарь – Лжедмитрий I (ум. в 1606 г.).

69

Монархий света разрушитель... – «Разрушили Римскую монархию племена татарские и прочие северные обитатели, которые покорены напоследок россиянами» (Об. Д., стр. 610).

70

Тавр – горный хребет в Турции.

71

Вселенной на среду ступаешь... – Имеется в виду Константинополь, почитавшийся в древности центром Земли.

72

Под ним плывут дремучи рощи... – то есть мачты русских кораблей.

73

Рында обожженна. – «Рында, дубина или палица, орудие древних княжеских придворных, которые и сами назывались рындами». (Об. Д., стр. 610). (Объяснение Державина ошибочно, так как рындой назывался серебряный топорик.)

74

Седящая на ней царица – Екатерина II.

75

Олег (ум. в 912 или 922 г.) – древнерусский князь.

76

Ольга (ум. в 969 г.) – княгиня киевская.

77

Ахелян спасть, агарян стерть... – «Ахеляне – греки, агаряне – татары» (Об. Д., стр. 610).

78

Пророки, камни возглашают. – «В Византии находятся камни с надписями древних восточных народов, которые пророчествуют о взятии северными народами Константинополя; мистики находят о том пророчество и в самом Священном писании» (Об. Д., стр. 610).

79

О вы, что в мыслях суетитесь // Столь славный россу путь претить... – Во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов Англия, Пруссия и Швеция желали поражения России.

80

Темиров – Тимуров.

81

Блюсть ваших от Омаров муз... – Арабский калиф Омар I (ок. 591–644) «зять Магомета, завоевавши Александрию, сжег славную библиотеку» (Об. Д., стр. 611).

82

Афинам возвратить Афины... – «То есть город Афины возвратить богине его Минерве, под которою разумеется имп. Екатерина» (Об. Д., стр. 611).

83

Град Константинов Константину... – «Константинополь подвергнуть державе великого князя Константина Павловича, к чему покойная государыня все мысли свои устремляла» (Об. Д., стр. 611).

84

И мир Афету водворить... – Афет (сын Ноя), по Библии, родоначальник арийского племени. Здесь Афет олицетворяет народы Европы.

85

Водопад. – Ода написана в связи с неожиданной смертью Потемкина (5 октября 1791 г.), который скончался по дороге из Ясс в Николаев после окончания русско-турецкой войны 1787–1791 годов. В первой строфе Державин описывает водопад Кивач на реке Суне, находящийся в окрестностях Петрозаводска. Державин жил в Петрозаводске во время своего губернаторства в Олонецкой губернии.

86

С высот четыремя скалами... – Водопад Кивач «стремится с высоты между четырех гранитных скал, под сим подразумеваются четыре отделения года, которыми протекает время» (Об. Д., стр. 637).

87

Стук слышен млатов по ветрам... – звуки, доносящиеся по ветру с Кончезарского завода, расположенного в сорока верстах от Кивача.

88

Волк... лань... конь... – по словам Державина, обозначают злобу, кротость и честолюбие (Об. Д., стр. 637).

89

...некий муж седой... – П. А. Румянцев.

90

Как вечер во заре румяной... – Намек на возраст и на фамилию героя оды.

91

В Сенате Цезарь средь похвал... и далее. – «Цезарь, диктатор римский, тогда как думал провозглашен быть царем, принимая многие ласкательные себе просьбы, был поражен в Сенате несколькими кинжалами сенаторов» (Об. Д., стр. 637–638).

92

Велизар – Велизарий (ок. 505–565) – византийский полководец, был оклеветан, посажен в темницу и ослеплен.

93

Как в лаврах я, в оливах тек... – Намек на прежние военные и административные заслуги Румянцева.

94

...буря вдруг // Копье из рук моих схватила... – «Буря или немилость императрицы» (Об. Д., стр. 638).

95

Что огнедышуци за перстом // Ограды вслед его идут... – «Огнедышащие ограды, то есть каре, или четверугольное устройство, каковые фельдмаршал Румянцев выдумал» (Об. Д., стр. 638).

96

Химеры – то есть мнимая опасность для врага, военная хитрость.

97

Что орлю дерзость, гордость лунну, // У черных и янтарных волн, // Смирил... –
Победы над пруссаками у Балтийского и над турками у Черного моря.

98

Смирил Колхиду златорунну... – Колхидой Державин ошибочно называет Крым.

99

И белого царя урон... // Отмстил... – Победой на реке Пруте Румянцев отомстил Турции
за поражение Петра I в Прутском походе 1711 года.

100

Я все везде его почли, // Триумфами превознесли. – После первой турецкой войны
великие оказаны были фельдмаршалу Румянцеву почести» (Об. Д., стр. 639).

101

Некий вождь – Потемкин.

102

Два лепта (лепты) – две медные монеты.

103

Чей одр – земля, кров – воздух синь... и далее. – Потемкин умер в степи, под
открытым небом.

104

Великолепный князь Тавриды... – «По присоединении Крыма к России он назван
Таврическим» (Об. Д., стр. 639).

105

У Северной Минервы... – у Екатерины II.

106

Древний Рим – здесь: Константинополь.

107

Не ты ль, который орды сильны // Соседей хищных истребил... – «По его (Потемкина.
– П. О.) советам истреблена Запорожская Сеча, освобожден от татар Крым» (Об. Д.,
стр. 639).

108

Врата торжественные – мраморная триумфальная арка, воздвигнутая в честь побед
Потемкина в Царском Селе в 1791 году.

109

Где бездны разноцветных звезд // Чертог являли райских мест. – Во время
праздника в Таврическом дворце все здания были усыпаны «разноцветными шкаликами,
плошками и люстрами» (Об. Д., стр. 640).

110

Потух лавровый твой венок... – лавровый венок из бриллиантов, пожалованный
Потемкину Екатериной II.

111

Гранена булава – фельдмаршальский жезл, знак гетманства.

112

Меч в полножны войти чуть мог... – «Мир (с Турцией. П. О.) только был при Потемкине начат» (Об. Д., стр. 640).

113

И муз ахейских жалкий звук // Вокруг Перикла раздается... – «Евгений славный Архиепископ славянский (Булгар. – П. О.) на греческом языке написал кн. Потемкину эпитафию; то и уподобляется он в этом стихе Периклу» (Об. Д., стр. 641).

114

Марон по Меценате рвется... – букв.: Вергилий (Марон) оплакивает Мецената. Державин имел здесь в виду поэта В. П. Петрова (1736–1799), которому покровительствовал Потемкин. Петров написал элегию на смерть Потемкина.

115

Мафусаила долголетье. – Мафусаил прожил самую долгую жизнь – 969 лет (библ.).

116

Где сорок тысяч вдруг убитых // Вкруг гроба Вейсмана лежат. – Отто Вейсман фон Вейсенштейн, русский генерал, убит в первую турецкую войну (в 1773 г.) и похоронен в Измаиле, где турки потеряли сорок тысяч солдат.

117

Столпы на небесах горят // По суше, по морям Тавриды... – " Пожары, бывшие при взятии крепостей и при поражении турецких флотов, показывали на небе зарева в подобие огненных столпов» (Об. Д., 641).

118

Геройский образ оживляет. – «Многие почитавшие кн. Потемкина женщины носили в медалионах его портреты на грудных цепочках» (Об. Д., стр. 641).

119

Алцибиадов прах. – Алкивиад (Алцибиад) – афинский государственный деятель и полководец (V в. до н. э.). «По роскошной жизни здесь кн. Потемкин уподобляется Алцибиаду» (Об. Д., стр. 641).

120

Фирс (Терсит) – герой Илиады; будучи трусом, он порицал Ахиллеса. Державин имеет в виду Платона Зубова, преемника Потемкина у трона Екатерины II, «который, приобретши... власть, охудал иногда дела кн. Потемкина» (Об. Д., стр. 642).

121

Суна – река, впадающая в Онежское озеро, она символизирует здесь Екатерину II, «которая делала водопады, то есть сильных людей, и блистала чрез них военными делами или победами» (Об. Д., стр. 642).

122

Людвиг – Людовик XVI, французский король, казненный 21 января 1793 года.

123

Истукан – здесь: мраморный бюст Державина, работы скульптора Рашета (1794 г.).

124

...низкой частью... – незаметным положением.

125

До Герострата только шаг... – Герострат, желая прославиться, в 356 году до н. э. сжег храм Дианы в Эфесе.

126

Эпаминонд (ок. 420–362 до н. э.) – крупный полководец и политический деятель Древней Греции.

127

Тит Флавий Веспасиан (39–81 гг.) – «благодетель и император римский, который почитал тот день потерянным, когда не сделал какого-нибудь добра» (Об. Д., стр. 647).

128

Филарет (в монашестве) – Федор Никитич Романов (род. в 50-х годах XVI в. – ум. в 1633 г.) – патриарх Московский и всея Руси, отец основателя династии Романовых Михаила Федоровича.

129

Долгоруков Яков Федорович (1659–1720) – сподвижник Петра I. Прославился смелостью и независимостью взглядов.

130

...болвану – здесь: памятнику, скульптуре.

131

Хотя б я с пленных снял железы... – Во время Пугачевского восстания Державин, будучи поручиком Преображенского полка, освободил свыше 800 человек колонистов и русских, уведенных в плен киргизами (Об. Д., стр. 648). Далее перечисляются должности, которые занимал Державин: генерал-прокурор в Сенате, секретарь императрицы.

132

И пальмы взвесит и перуны... – и похвалы взвесит и порицанья.

133

...с Гангеса... – с Ганга.

134

Смотря на образ Марафона... – Марафонской битве (490 до н. э.) греки, возглавляемые Мильтиадом, победили персов.

135

Зальется фемистокл слезой... – «Фемистокл, тоже греческий вождь... когда увидел изображение Марафонской баталии, в честь Мильтиада написанное, то облился слезами, ревнуя его славе» (Об. Д., стр. 649).

136

Отдаст Арману Петр полтрона... – «Когда Петр I был в Париже и увидел бюст Армана Ришелье (первого министра Людовика XIII. – П. О.) то, обняв его, сказал: «Великий муж! ежели бы ты был у меня, то отдал бы тебе половину царства, чтобы ты научил бы меня править другой» (Об. Д., стр. 649).

137

В их урнах фениксы взродятся... – Феникс – легендарная птица, возрождающаяся из собственного пепла. Здесь: слава великих предков возродится в их потомках.

138

А ты, любезная супруга! – Первая жена Державина Екатерина Яковлевна, урожденная Бастидон.

139

Твой диван... – диванная комната, где стояли бюсты Державина и Екатерины Яковлевны.

140

Ласточка. – Вторая, окончательная редакции стихотворения написана «в память первой жены автора» (Об. Д., стр. 651).

141

Милена – так Державин называет свою вторую жену – Дарью Алексеевну, урожденную Дьякову.

142

В кивотах – в киотах.

143

Поставленный в позор – поставленный на обозрение.

144

Не перлы перские на вас // И не бразильски звезды ясны... – Жемчуга и бриллианты, которыми вельможи украшали «звезды своих орденов» (Об. Д., стр. 633).

145

Он только хлопает ушами... – «Автор, присутствуя тогда в Сенате, видел многих своих товарищей без всяких способностей, которые, слушая дело, подобно осламу, хлопали только ушами (Об. Д., стр. 633).

146

Шумиха – сусальное золото, здесь: дорогие одежды.

147

Чупятов – гжатский купец, современник Державина. Чтобы избежать расплаты с кредиторами, притворился сумасшедшим, украшал себя медалями и уверял, что получил их от мароккской принцессы.

148

А ты, второй Сарданапал! – Сарданапал – легендарный древнеассирийский царь, прославившийся своими пирами и сластолюбием. Эти именем Державин называет вельмож Екатерины II, в первую очередь Г. А. Потемкина.

149

Левант – Турция.

150

Лунь – «белая цветом птица, род ястреба» (Об. Д., стр. 635).

151

...вдова стоит в сенях... – жена полковника Костогорова. Костогоров был убит на дуэли, защищая честь Потемкина.

152

Здесь дал бесстрашный Долгоруков // Монарху грозному ответ. – По преданию, будучи сенатором, Я. Ф. Долгоруков разорвал указ, подписанный самим Петром I. Указ этот предписывал отправить на работу по устройству Ладожского канала крестьян Петербургской и Новгородской губерний.

153

...славного Камила... – Камилл (ок. 447–365 до н. э.) – консул и диктатор римский. Отличался большой скромностью. Державин этим именем называет фельдмаршала П. А. Румянцева.

154

Румяна вечера заря... – Намек на возраст и фамилию Румянцева.

155

Каймак – сливки, снятые с охлажденного кипяченого или топленого молока.

156

Хозяйка статная, младая... – «Автор говорит сие про вторую свою жену» (Д. А. Дьякову. – П. О.) (Об. Д., стр. 652).

157

...благодетель давный... – В «Объяснениях» к одам Державин указывает, что он сначала имел в виду И. И. Шувалова, а позже графа А. А. Безбородко.

158

Случай – не заслуженные милость и почести при дворе.

159

А если ты иль кто другие... – «Был зван между прочими любимец императрицы князь Зубов и обещал приехать, но пред обедом прислал сказать, что его государыня удержала» (Об. Д., стр. 652).

160

Заздравный Орел. – «Застольная песнь воинов, писанная в память фельдмаршалам Суворову и Румянцеву 1795» (Об. Д., стр. 719).

161

Орел – Россия.

162

лев – Швеция.

163

луна – Турция.

164

Памятник. – Вольное подражание Горацию: Державин использовал мысль и отчасти форму оды 30, кн. III.

165

Надгробие Шелехову. – Шелехов Григорий Иванович (1747–1795) – купец, путешественник, открыл для России ряд островов у восточных берегов Сибири.

166

Храповицкому. – Храповицкий Александр Васильевич (1749–1801) – писатель, служил в Сенате, был статс-секретарем Екатерины II, близкий приятель Державина. В одной из посланий А. В. Храповицкий упрекнул Державина в лести («попы лоцишь»). Стихотворение Державина – ответ на этот упрек.

167

На возвращение графа Зубова из Персии. – Граф В. А. Зубов, брат последнего фаворита Екатерины II Н. А. Зубова, командовал армией на Кавказе, за что и был воспет Державиным в оде «На покорение Дербента». После смерти Екатерины, как и его брат, впал в немилость у Павла I. Князь С. Ф. Голицын напомнил Державину об его оде в честь Зубова и усомнился в ее искренности. В опровержение этого обидного подозрения и была написана новая ода, которая хотя и не попала в печать, но стала известна современникам в списках.

168

Кто при конце своих ристаний... – «При конце своей жизни» (Об. д., стр. 671).

169

Трезубцем бьет по кораблям... – уподобление Каспия Нептуну.

170

Внизу, вверху, ты видел всё... – «Зубов пошел на знатную степень при дворе из весьма незнатного дворянского состояния» (Об. д., стр. 672).

171

Вертяще мира колесо... – аллегорическое изображение непостоянства человеческого счастья.

172

... в Вратах Железных... – Персы называла Дербент Железными Воротами.

173

...Александра чтит... – Александра Македонского, завоевавшего Персию.

174

Сбылось! – Игру днесь счастья люту... – Речь идет о постигшей В. А. Зубова опале.

175

Исправь поступки юных лет... – Зубов «был весьма расточительный человек и пристрастен к женщинам» (Об. д., стр. 673).

176

К тому покою – к смерти.

177

О удовольствии. – Переложение оды Горация (кн. III, ода 1). Слово «удовольствие» означает «довольство малым».

178

Медведица и Лев – название созвездий.

179

Параша и Палаша – Прасковья Михайловна и Пелагея Михайловна Бакунины, родственницы Д. А. Державиной.

180

Луч от царских теремов... – Бакунины жили в Гатчине, резиденции Павла I.

181

Певец Тииский – Анакреон (Уроженец города Теоса).

182

Бычок – крестьянская пляска.

183

Снигирь. – Написано на смерть А. В. Суворова (6 мая 1800 г.). У Державина был ученый снегирь, умевший насвистывать колено военного марша.

184

...войной на Гиену... – Гиеной Державин называет революцию.

185

...скиптры давая... – В европейские государства, завоеванные Суворовым, возвращались монархи, изгнанные войсками республиканской Франции.

186

Тончию. – Тончи Сальватор (1756–1844) – живописец. Родился в Италии, с 1796 года жил и работал в России. Написал портрет Державина, выполненный в соответствии с просьбой поэта, выраженной в данном стихотворении.

187

Что был прапращур мой Багрим... – Родоначальником Державиных считался татарский мурза Багрим.

188

Свобода. – Стихотворение написано в связи с отставкой Державина от должности министра юстиции. Одновременно Державину было предложено самим Александром I продолжать службу в Сенате и Государственном совете, но поэт решительно отказался от этого предложения.

189

На высоком вдруг холму... – Под словом «холм» Державин понимает свое высокое служебное положение и связанные с ним обязанности («носил на плечах холм»).

190

Гладки воды, коль погоды // Их не могут колебать. – «Тогда хорошо служить, когда гладки воды не могут колебать непогоды, то есть законы нарушать пристрастие» (Об. Д., стр. 721).

191

Хариты – имеются в виду великие княжны Александра (ум. в 1801 г.) и Елена (ум. в 1803 г.), ранее воспетые Державиным в стихотворении «Хариты».

192

Вельяминов Петр Львович (ум. в 1804 г.) – друг Державина.

193

Хлор – Александр I.

194

Добрада – его мать, императрица Мария Федоровна.

195

Алый сок – пунш.

196

Воспоем наш хлад прекрасный: // Дай Зиме здоровье бог! – «Александр-император прекрасен лицом и весьма хладнокровен; то автор разумея его Зимой, желает ему здоровья» (Об. д., стр. 693).

197

...египтянка... – Современники Державина считали родиной цыган Египет.

198

...нежного певца – И. И. Дмитриева.

199

Радуга. – Стихотворение написано по случаю предполагавшегося мира с Наполеоном.

200

Изограф – живописец, художник (греч.).

201

Евгению. Жизнь Званская. – Стихотворение обращено к Евгению Болховитинову (1767–1837), епископу, историку, литератору (составителю двух словарей русских писателей), приятию Державина. С 1804 до 1808 года жил в Хутынском монастыре в шестидесяти верстах от Званки, имения Державина. Часто бывал в Знанке.

202

...на вильну ехать страсть... – на добровольное страдание.

203

Черная змея – зависть.

204

И честолюбия избег от жала! – С октября 1803 года Державин был в отставке.

205

Барашков в воздухе... – «бекасы, кои кричат как барашки» (Об. д., стр. 707).

206

Гром жолн – стук дятлов; желна – дятел (диалект.).

207

...пар // Повеет с дома мне манжурской иль левантской... – «Манжурский, то есть

Стихотворения. Гаврила Романович Державин derzhavingabriel.ru
запах чайный, левантский – кофейный» (Об. Д., стр. 707).

208

...в Вестнике... – в журнале «Вестник Европы».

209

Ковров, и кружев, и вязани... – «На Званке были небольшие суконные и коверные фабрики» (Об. Д., стр. 708).

210

В которой, обзрев больных в больнице, врач... – «Была там небольшая для крестьян больница» (Об. Д., стр. 708).

211

Флакх – Гораций.

212

Чтобы во мне не зрели буки. – Чтобы меня не боялись.

213

Блестят и жўчки в епанечках. – Буквально: красивы и дворняжки в епанечках (то есть в попонках), в переносном же значении – «посредственные мысли, хорошо сказанные, чистым слогом, делают красоту сочинения» (Об. Д., стр. 708).

214

Липца, воронка – напитки, приготовленные из меда.

215

Древ русских сладкий сок... – «Березовый сок, яблочный и проч. делают наподобие шампанского вина» (Об. Д., стр. 708).

216

За здравье с громом пьем – «то есть с пушечной пальбой» (Об. Д., стр. 708).

217

...стекла оптики... – волшебный фонарь.

218

Иль в мрачном фонаре люблюсь... – «В камер-обскуру, в которой супротивные натуральные предметы представляются в малом виде весьма живо» (Об. Д., стр. 708).

219

Как сквозь чугунных пар столпов... – «огненная паровая машина» (Об. Д., стр. 709).

220

Марииной рукой прядутся. – «Государыня императрица Мария Федоровна выписала из Англии прядильную машину» (Об. Д., стр. 709).

221

Все прелести, красы берутся с поль царьцы... – «То есть красильня, где красят шелк, шерсть, лен и бумагу травными красками, собирая оные с царьцы полей, то есть флоры» (Об. Д., стр. 709).

222

Куется в бердыши милицы – «...была набираема милиция для защищения границ империи от французов, для которой ковали бердыши» (Об. Д., стр. 709).

223

...страшат тварь влаги стуком... – «рыбная ловля, называемая колотом» (Об. Д., стр. 709).

224

Из жерл чугунных гром... – «Из чугунных пушек, во время фейерверков и иллюминаций» (Об. Д., стр. 709).

225

Тихогром – фортепяно.

226

Не мечет днесь и он Перуны. – Война с Францией 1806–1807 годов.

227

Темиру новому под Пултуском, Прейш-лау – «Темиру, то есть новому завоевателю или Наполеону; под Пултуском и Прейшиш-Эйлау был он отражен славным образом» (Об. Д., стр. 710).

228

А скрыл орла седого славу. – «Г. Каменский, заслуженный генерал... потерял свою славу от болезни своей или неведомо от упадка духа... так, что отдана была команда подчиненному ему генералу Бенигсону...» (Об. Д., стр. 710).

229

Вождя, волхва гроб кроет мрачный... – «Подле дома автора находится холмик или курган... Волхв или вождь, предполагается, что под оным погребен» (Об. Д., стр. 710).

230 «Река времен в своем стремленьи. " – Последнее стихотворение Г. Р. Державина.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://derzhavingabriel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!